Николенко-Крылова Анастасия

Запретная луна

Тайна нашей крови

Анастасия Николенко-Крылова

Запретная Луна.
Тайна нашей крови

«Автор»
2026

Николенко-Крылова А.

Запретная Луна. Тайна нашей крови / А. Николенко-Крылова — «Автор», 2026

Илана была обычной студенткой с мечтами о любви и нормальной жизни. Но в один день всё рухнуло.Теперь в её доме враги, а люди с янтарными глазами открыли на неё настоящую охоту. Единственный, кому она может доверять — таинственный незнакомец, называющий её своей сестрой.
И он — оборотень.Их тянет друг к другу с необъяснимой силой. Узнав шокирующую правду, Эйдан понимает: они — не родственники. Илана тоже чувствует это притяжение, но приходит в ужас от собственных желаний, думая, что влюбляется в того, кого считает родным братом. В довершение всего в её жизни появляется очаровательный мерзавец с вполне серьёзными намерениями стать её парой и королевой другой стаи.Эйдану предстоит сделать невозможный выбор: открыть миру правду о своём происхождении и быть с любимой... или остаться владыкой стаи, навсегда потеряв её.Законы Белого Яра просты: не доверяй человеку, не предавай стаю и никогда не влюбляйся в Поцелованного Луной.

© Николенко-Крылова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Часть 1. Илана 5
ПРОЛОГ. Часть 2 Эйдан 10
Глава 1 ТРИЗНА 14
Глава 2 ТАЙНА МЕДАЛЬОНА 20
Глава 3 ВСТРЕЧА СПУСТЯ ВЕЧНОСТЬ 25
Глава 4 РАЗГОВОР В ЧАЩЕ ТЁМНОГО ЛЕСА 30
Глава 5 ПОЖАР 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Анастасия Николенко-Крылова
Запретная Луна. Тайна нашей крови

ПРОЛОГ. Часть 1. Илана

Шёл второй час ночи, но сон был абсолютно далёк от тела и сознания Иланы. Она ворочалась с боку на бок, переворачивала подушку, но даже прохладная сторона наволочки не приносила облегчения. Мысли барахтались в голове, как рыбы в тесном аквариуме, не давая расслабиться и заснуть. А всё потому, что голова была занята Артёмом.

— Ар-тём, — его имя невольно сорвалось с губ и улетело в пустоту комнаты, вспыхнув в темноте брызгами шампанского, совсем как тогда, на третьем курсе, когда они праздновали «экватор» в маленьком ресторанчике около университета и ели пиццу. Лера случайно толкнула её локтем, бокал в руке Иланы дрогнул, и шампанское окатило новое платье пузырящейся пеной. И в этот момент она с удивлением обнаружила, что Артём оказался рядом. От него пахло чем-то мужским и манящим, как нагретая солнцем кожа. Она вспомнила, как он улыбнулся и протянул руку, небрежно заправив выбившуюся прядь за её ухо. От этой неожиданной близости Илана замерла, чувствуя тепло его пальцев в миллиметре от щеки. А потом он наклонился и жарко прошептал на ухо: *«У тебя ресницы дрожат»*. Замерев от удивления, девушка почувствовала, как всё внутри отозвалось на его шёпот горячей, запретной волной.

Этой ночью его имя возвращалось снова и снова, бурлило в крови, разжигая фантазию и заставляя краснеть и чувствовать себя грязной. *«Какая же я дура!»* Илана перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и тихо застонала. Почему он так и не написал? Чего она ждала? Что он, как настоящий мужчина, сам проявит инициативу, а на неё внезапно обрушится та самая книжная романтика — букеты, свидания, поцелуи?

Вчера Маша обмолвилась: Артём придёт на общую пару по истории. Илана сделала вид, что ей всё равно. Но сердце предательски забилось чаще, и она ничего не могла с этим поделать. Сын ректора редко появлялся на парах, но иногда заглядывал — посидеть, поболтать с однокурсниками, улыбнуться своей фирменной улыбкой. Упускать такой шанс было нельзя.

Что ж… Завтра она наденет своё новое, летящее при каждом движении нежно-голубое платье, туфли на высоком каблуке, распустит длинную косу и завьёт волосы лёгкими волнами. Будет выглядеть как настоящая леди или принцесса из сказки. И когда он её увидит, то уже не сможет отвести взгляд. А она будет сидеть на паре с тетрадью и ручкой и делать вид, что занята и совсем его не замечает. «Глупая. Глупая девчонка…» — Илана зажмурилась и прижала ладони к горящим щекам. Лера бы сказала: «Да забей ты на него, найдёшь другого». Но Лера не понимала. Никто не понимал. А она…

Илана замерла и прислушалась.

Дом ответил ей такой густой, вязкой тишиной, что собственное дыхание показалось чужим. Слишком громким. Слишком лишним в этих стенах. Лишь изредка сквозь ватную глухоту пробивались отзвуки старых часов с первого этажа да тихий перестук кошачьих лап — Мурка гоняла по коридору шарик из шоколадной фольги, скомканный мамой ещё вчера.

Мама… Она впервые оставила её одну на ночь. Илана вспомнила, как мама накануне ругалась с отчимом и не хотела никуда ехать. И вообще, она в последнее время вела себя как-то не так. Вот вчера за ужином молчала, смотрела куда-то сквозь неё, а потом вдруг спросила: *«Тебе волки не снятся? Или Луна? А руки? У тебя не чешутся плечи или запястья?»*

Какие ещё, к чёрту, волки? Какая «почесуха»? Что это за вопросы вообще?

И сейчас они были где-то далеко-далеко, за триста километров, на свадьбе друзей. А она осталась одна в этом доме — и как будто одна на всём белом свете.

Тик-так… Дом вдруг показался ей чужим. Её комната, её вещи, запах старого дерева и сушёных трав, заготовленных мамой, — всё было знакомым, но словно подёрнутым невидимой плёнкой. Она повернулась к окну. Лунный свет лился в комнату, заливая подоконник лучистым серебром. Илана не удержалась и протянула руку, коснувшись его. Свет Луны неожиданно показался ей тёплым и успокаивающим. Она посмотрела прямо на Луну — и та будто взглянула на неё в ответ. Илана отпрянула и спешно задёрнула штору. Сегодня всё было иначе.

Спать больше не хотелось. Вообще.

Всю жизнь она делала то, что положено. Училась, слушалась, не писала первой. Может, хватит? Может, пора сделать хоть что-то не по правилам?

Она натянула свитшот и кургузые спортивные штаны — прямо поверх пижамы. Движения были машинальными, быстрыми, пока внутренний голос не успел включиться и спросить:

«А куда это ты, собственно, собралась на ночь глядя?» Илана не знала ответа на свой вопрос. Она чувствовала только одно — острое, нестерпимое желание выбраться из дома. И чем быстрее, тем лучше. Стены давили, не давая дышать. А ещё в горле щекотало любопытство — что она вот прямо сейчас нарушит главное родительское правило и выйдет ночью на улицу. От этой мысли зудели кончики пальцев.

Она выскользнула в коридор, инстинктивно стараясь не шуметь, хотя и знала, что, кроме Мурки, никого нет дома. Это было глупо и забавно — красться мимо кошки, которой всегда было плевать на человеческий сон. Илана позвала её, но Мурка не появилась. *«Ну и ладно»,* — подумала она и, недолго думая, вышла на улицу, осторожно закрыв за собой дверь.

Ночной воздух ударил в лицо — влажный, пахнущий прелыми листьями и чем-то ещё, сладким и тревожным. Тишина вокруг была живой и пульсирующей. «Надо было всё-таки надеть носки», — подумала Илана, шагнула вперёд и замерла, вглядываясь в темноту. Лес у границы участка стоял чёрной стеной. И оттуда, из чащи, доносился странный, рокочущий звук, похожий на чьё-то глухое, утробное кряхтение. Иногда он сменялся тонким, почти жалобным писком и низкой вибрацией, от которой волоски на руках встали дыбом.

Илана прислушалась. Писк был похож на кошачий. Совсем как Мурка, когда та просилась домой с прогулки. *«Что, если она ранена?»* — мелькнуло в голове. Илана рванулась к лесу, не успев додумать эту мысль до конца. Что-то тянуло её туда — сильнее страха и голоса разума.

Впереди гулко хрустнула ветка, будто на неё наступило что-то большое и неосторожное. Человек? На её участке? Ох, жаль, что дядя Гора так и не поставил забор — всё потакал желаниям мамы быть ближе к природе.

Илана должна была испугаться. Должна была метнуться обратно в дом, захлопнуть дверь. Но вместо этого она сделала шаг вперёд. Потом ещё один. «В фильмах ужасов таких, как я, убивают первыми. Тех, кто бежит ночью в лес на странные звуки». Но она не могла остановиться: что-то тянуло её к лесу, как магнитом.

Зря.

Девушка остановилась, но было уже поздно: из подлеска, ломая кусты, вывалился огромный медведь. С седым загривком, который предупреждающе топорщился в лунном свете. Илана, замерев от ужаса, вгляделась в его морду, пытаясь понять, нападёт он или нет, хотя ответ был очевиден. Его глаза — два чёрных провала, полных голодного, отчаянного бешенства, — буравили её своим взглядом.

Медведь резко встал на задние лапы и взревел. Звук ударил по ушам, заставив Илану согнуться и прикрыть голову руками. Адреналин молотил в висках, требуя кричать и бежать прочь. Но она не могла пошевелиться, а медведь уже приближался, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Он почуял добычу.

Бежать? Поздно. Кричать? Бесполезно.

И в этот момент Илана вдруг почувствовала, что страх, который охватил её полностью, ушёл, давая место чему-то незнакомому и древнему, как сама Земля. В горле потеплело, и Илана запела.

Мелодия пришла ниоткуда. Слова — чужие, гортанные, пришедшие из глубины веков, сами ложились на язык, как будто она знала их всегда. Звуки вырывались из самого сердца, сплетаясь в древнюю, неизведанную мелодию, и мчались навстречу зверю. Она пела, глядя прямо в глаза противнику, и голос её больше не дрожал.

Медведь замер и заторможенно опустился на четыре лапы. Рёбра всё ещё вздымались от рваного дыхания, но в глазах что-то изменилось — будто гнев вытекал из них, сменяясь растерянностью и непониманием. Он качнул головой, совсем как человек, который пытается сбросить с себя оковы наваждения, — но нет. Снять их он не мог. Они оплетали его, влезая в уши, в открытый рот, в горячий, распяленный от запаха близкой добычи нос. Звуки завораживали его упрямой, древней силой. Ослепляли. Лишали воли.

И тогда медведь отступил и попятился, а затем развернулся и грузно, ломая кусты, исчез в чаще. Илана слышала его тяжёлое удаляющееся дыхание и отзвуки шагов, отдающихся виб-

рацией по земле — вибрацией, которая пронизывала её кроссовки и поднималась по ногам до самых бёдер.

Илана замолчала, опустившись на колени прямо в мокрую траву, и только тут поняла, что дрожит, а её руки ходят ходуном так, как никогда в жизни. Тишина окутала поляну глухим одеялом, а в голове билось удивление, смешанное наполовину с эйфорией. Она выжила! Выжила! Но что это вообще такое было? Ответа не было. Только дрожь в пальцах и холод земли, промочившей спортивные штаны на коленях.

Илана вдруг услышала, как совсем рядом, в кустах малины, хрустнула ветка. Она повернула голову, вглядываясь, и успела заметить, как в темноте, примерно в метре над землёй, мелькнули две янтарные искры. Слишком высоко для собаки. Слишком низко для медведя. Искры качнулись, словно кто-то кивнул собственным мыслям, и погасли. *«Мой перформанс не остался незамеченным. Жаль, что зрителями оказались лесные звери».*

Илана хотела окликнуть, подняться, но не успела — лунный свет внезапно стал ярче. Он словно сгустился, стал плотным, тяжёлым, и один луч, самый яркий, скользнул по верхушкам сосен и коснулся её лица. И в этот миг она почувствовала его. Отзвук чужой боли — острой, свежей и тоскливо одинокой. Где-то далеко, на другом конце этого же самого лунного луча, кто-то терял самое дорогое. Илана прижала ладонь к груди. Сердце билось часто, но теперь — не от страха, а от соощущения. Словно чья-то беда прошла сквозь неё, оставив след — щемящий, горький, но странно родной. Она не знала этого человека. Не знала его имени. Но в этот миг он был ближе, чем кто-либо другой.

Внезапно всё оборвалось, и Луна снова стала просто Луной — далёкой, холодной и равнодушной. Илана медленно поднялась с травы, отряхнула колени и, бросив последний взгляд на тёмную стену леса, пошла к дому. В спину ей дышала ночь — и огромный чёрный зверь с янтарными глазами.ОЛО

ПРОЛОГ. Часть 2 Эйдан

В лазарете пахло травами, кровью и приближающейся смертью. Эйдан сидел у постели умирающего отца уже третий час, не двигаясь и не произнося ни слова. Он считал. Тридцать четыре. Тридцать пять. Тридцать шесть…

Дела плохи. Уже тридцать шесть коротких судорожных вдохов, наполненных свистом и болью. Вода… Как же хочется пить… Он вспомнил, что в соседней комнате стоит графин с водой, но не мог заставить себя подняться — боялся, что за эти секунды его отец уйдёт к праотцам без него. *«О, Богиня! Если ты есть — помоги! Забери мою силу, забери моего зверя, только дай ему открыть глаза и выздороветь!»*

Молодой мужчина — стройный и бледнокожий — в полутьме лазарета казался сотканным из неподвижного лунного света. Лишь изредка по предплечьям пробегала судорожная волна силы, и на коже проступали всполохи белоснежной шерсти — зверь внутри нервничал, чуя конец жизни своего отца и вожака. Длинные, густые волосы цвета нетронутого снега были небрежно стянуты в низкий хвост, открывая острые скулы и тонкую линию челюсти. Его глаза — льдисто-голубые, отдающие серебром в царившей вокруг полутьме, — казались почти потусторонними.

Эйдан, наследный принц клана Белого Яра, смотрел, как за узким окном башни Сумеречного дворца сгущалась пелена ночи. Длинные тени всё ближе подползали к краю кровати уходящего в небытие Великого волка — Торна Белоярова. Тот, кто ещё утром был полным сил предводителем стаи, сейчас походил на собственную тень: бескровные губы, восковая кожа, а из небольшой раны в боку, под самыми рёбрами, расползались чёрные нити яда, которому лекари не знали названия. Эти отравляющие лозы тянулись по венам всё дальше, оплетая тело вожака медленной, неотвратимой гибелью. Торн был весь покрыт жидкой серой испариной. Так его тело вытягивало из себя последние капли жизни, пытаясь изгнать мерзость яда, от которого нет противоядия.

«Не уходи. Пожалуйста». Эйдан сглотнул, заставляя себя смотреть на отца сквозь пелену, застилавшую глаза. Он всё уже понял, но не мог смириться с тем, что это произойдёт.

Отец резко открыл глаза и зашёлся в тяжёлом, влажном кашле. Его грудь ходила ходуном и никак не могла выплюнуть вязкий сгусток, застрявший там, где начиналось горло. Наконец справившись, он посмотрел на сына и коротко бросил:

— Эйдан!

Сын вздрогнул и склонился ближе, и в этот момент отец неожиданно резко вцепился в его руку — так, что кости хрустнули, сжимаясь от нечеловеческой силы. Эйдан инстинктивно попытался вырвать руку, но остановился, понимая, что Смерть уже склонилась рядом и тяжело дышит прямо в лицо Торна:

— Это… это Орин… — закашлялся умирающий вожак. — Я знаю. Он хотел убрать меня… и… посадить на трон… тебя.

Эйдан сжал челюсти. Значит, Орин. Это имя мгновенно впилось в его память калёным железом. Шаман с белёсыми глазами, решающий судьбы ухмылкой. Что ж. Его судьба решена:

— Я вырву ему хребет. Сегодня же! — он попытался вскочить, но рука отца, всё ещё сжимающая его мёртвой хваткой, дёрнула обратно.

— Нет, сынок. — Торн закашлялся, выплёвывая чёрные сгустки сворачивающейся крови, похожие на клочья чёрного мха. — Сначала выслушай. Ты должен… узнать… правду! Всю! Она… Илана! У меня есть… дочь! Она… там… Она…

— Дочь? — это незнакомое на вкус слово вырвалось у Эйдана как ругательство. — И ты скрывал её от меня? Я не понимаю. Кто она? Где? Почему? — он осёкся, увидев, какую боль причиняют его слова умирающему.

— Илана. Она в опасности. Защити… защити её! — прошептал вожак. — И… прости меня. За всё!

— Ты бредишь!

Дрожащей рукой король стянул с шеи массивный золотой медальон с вырезанной волчьей головой — родовую печать Белояров.

— Возьми его. В нём… мои воспоминания… И помни… несмотря ни на что, ты… мой сын!

Молодой оборотень принял медальон, ещё хранивший тепло умирающего. Он сжал его в ладони так сильно, что металл громко звякнул, — и этот звук показался слишком резким в тишине застывшего в ожидании смерти лазарета.

Торн замолчал и поморщился — то ли от яда, ползущего всё глубже в тело, то ли от правды, которую он только что озвучил сыну. Из последних сил он приподнялся на локтях, широко открыл глаза и выдохнул:

— Теперь ты — вожак! — и упал без сил на подушки.

По телу Торна побежали волны густой серой шерсти с алыми всполохами — тело судорожно пыталось запустить переход в волчью форму, но яд уже почти забрал у него остатки лунной силы. Агония заставила его выгнуться под неестественным углом, кости рук вывернулись и хрустнули, разрывая кожу. Из горла вырвался глухой, булькающий стон, а глаза… Глаза старого волка налились кроваво-красным светом — последней вспышкой былого могущества. Но всё было напрасно: яд задушил зверя быстрее, чем он успел вырваться.

Торн замер.

И в этот миг лунный луч ворвался в комнату и коснулся груди отца. Эйдан присмотрелся и увидел, как в месте соприкосновения задвигалась кожа и что-то гадкое и грязное стало испуганно покидать пределы тела погибшего оборотня. Эта скверна выбиралась наружу, и луч выжигал её своим абсолютным светом. Эйдан услышал лёгкий звук шипения и испарения. А потом — на долю секунды — ему показалось, что луч коснулся не только отца. Что-то тёплое скользнуло по его собственной груди, вздохнуло и исчезло.

«Что это было?»

Лунный луч в последний раз ослепительно блеснул снопом голубых искр и растворился. Отец в последний раз вздохнул и расслабился, освободившись от своей жизни. Его лицо резко разгладилось, а пытавшаяся вырваться из недр кожи шерсть отступила. Торн Белояров снова стал собой — таким, каким Эйдан помнил его с детства. Эйдан понял: Лунная богиня забрала отца в свои чертоги.

Эйдан остался один. Он разжал ладонь и посмотрел на печать. На холодном металле остался липкий след — кровь отца. Он на мгновение задумался, а затем надел символ власти на шею — и тот сразу показался тяжелее, чем был на самом деле, будто в нём хранилась не только память отца, но и его воля. Всю жизнь он был наследным принцем клана Белого Яра. Теперь же стал королём, который должен выполнить последнюю просьбу отца: защитить Илану. Раз так — он сделает это. Чего бы ни стоило.

За окном послышался протяжный, усиливающийся с каждой секундой вой — стая провожала ушедшего к богине предводителя. Это была их волчья тризна, последняя дань уважения тому, кто столько лет вёл их в этом мире людей. Эйдан в последний раз посмотрел на застывшее лицо отца: оно было спокойным и странно чужим. Казалось, Торн уснул — если бы не запах смерти, пропитавший всё вокруг своей гадкой сладостью.

«Илана». Имя прозвучало в голове чужим голосом. Кто она? Где? Почему отец умолял защитить её? Какую правду скрывал? И почему сказал так странно: «Несмотря ни на что, ты мой сын»?

Эти вопросы, на которые он не знал ответов, заставили его тело напрячься. Эйдан распахнул окно. Ночной воздух ударил в лицо — влажный, тяжёлый от аромата земли и прелых листьев, — так пахла свобода, в которую он любил нырять. Он резко взобрался на подоконник и прыгнул. В полёте его тело плавно перетекало, меняясь. Длинная, густая шерсть хлынула по коже, кости растянулись, перестраиваясь, и огромный белоснежный волк приземлился на четыре лапы, взрыхлив когтями землю у подножия башни. Он резко повернулся и бросил прощальный взгляд на свой дом: Сумеречный дворец смотрел на него пустыми окнами — там, наверху, больше не было отца — Торна Белоярова, Великого волка. Теперь это имя носит он, Эйдан. И Илана. Где бы она ни была.

Эйдан запрокинул голову к сияющей серебром Луне. Она смотрела на него — холодная, далёкая, вечная. Вой, вырвавшийся из его груди, был полон тоски, ярости, клятвы — и одиночества, от которого не спасала даже волчья шерсть.

Теперь он — Вожак.

Глава 1 ТРИЗНА

Солнце нахально лезло в окно, заливая комнату светом. Илана зажмурилась, перевернулась на другой бок и больше не пыталась хвататься за ускользающий сон, в котором её преследовали бесконечные жёлтые глаза и цирковые медведи. Тело уныло отозвалось ломотой во всех суставах, будто она вчера разгружала вагоны или как минимум полчаса висела на дыбе в кабинете палача.

— Старею, — хмыкнула она и потянулась за телефоном.

Экран мигал уведомлениями. Двадцать три пропущенных от мамы и дяди Горы за последние несколько часов, начиная с ночи и до самого утра. Последний — в половине девятого. Илана сглотнула. Мать никогда не звонила так часто. Никогда. Что-то случилось. Да и с чего ей звонить ночью? Она нажала «перезвонить» и поплелась умываться, уже представляя, что сейчас услышит.

По пути отметила: кроссовки, брошенные у порога, были в такой грязи, что только в помойку. Туда же полетели и спортивные штаны, в которых она спала. Они были картой её ночного приключения: на коленях — грязно-зелёные разводы от травы, а на левом бедре — бурое пятно, подозрительно похожее на кровь. Пахло всё это резко и неприятно. Илана потрогала ноющие колени и поморщилась. Значит, она действительно стояла на них в мокрой траве и дрожала, глядя вслед уходящему медведю. Медведь! *«Там был медведь, и я его успокоила!»*

— Илана! Ты почему трубку не берёшь?! Я звонила всю ночь! Ты вообще понимаешь, что я себе напридумывала?! — голос мамы звенел от напряжения. Но дочь слышала в нём не злость, а страх.

— Мам, прости, я спала, телефон был на беззвучном, — Илана старалась говорить спокойно, но внутри всё сжалось. Она представила, как мама набирает её номер снова и снова, как мечется по комнате и ничего не может сделать.

— Всё в порядке. Правда. Я просто крепко спала.

— Точно всё хорошо? — мамин голос чуть смягчился, но тревога всё ещё сквозила в каждом слове.

— Да. Абсолютно.

Она не стала рассказывать про медведя. Зачем? Мама бы испугалась ещё больше. И потом — как объяснить, что она не только встретила медведя, но и зачем-то пошла к нему ночью, вместо того чтобы запереться в доме? Нет уж. Пусть это останется её маленькой тайной. Её ночным безумием.

В ванной она глянула в зеркало. Отражение было не лучше: лицо в разводах, прикушенная губа, под глазами — тени. Будто и не спала вовсе, хотя чему здесь удивляться, ведь так оно и было.

— Ещё и деградирую, — сообщила она своему отражению. — Шатаюсь ночью по лесам, сплю в штанах, хожу по дому в обуви и обманываю маму. Класс. Она меня убила бы, если бы узнала.

Артём. Эх, она хотела быть сегодня лучше всех, но вместо этого стояла сейчас в образе замарашки, которая перепутала бал с ночной прогулкой по лесу.

— Бог с ним, — сказала она вслух. — Сегодня я себя люблю больше, чем Артёма.

И это было правдой. Сегодня в ней что-то изменилось. Она не просто выжила — она сделала что-то невозможное: не умерла, встретившись с диким медведем, и победила. Пусть и таким странным, необъяснимым способом.

На входе в корпус университета она заметила двоих. Привлекательные молодые люди в кожаных куртках — Илана отчего-то сразу поняла, что это не студенты и не преподаватели. Что-то в том, как они стояли — слишком спокойно, слишком уверенно для чужаков на чужой

территории. Они о чём-то разговаривали с её однокурсницей Машей, которая кивала и неловко улыбалась чужакам, то и дело снимая и надевая очки — явно флиртовала, но выглядело это довольно глупо. Они были красивые, эти молодые люди, и «заучка» Маша, не избалованная вниманием противоположного пола, совсем потеряла голову. Илана смотрела на незнакомых парней, и ей казалось, что они одинаковые. Как две копии с одного конвейера или одноразовые кофейные стаканчики.

Илана прошла мимо, стараясь не смотреть, но успела перехватить взгляд одного из них. Холодный. Янтарный. Оценивающий. Так смотрят не на случайную прохожую — так смотрят на цель. Или на жертву.

Один из них приторно улыбнулся и кивнул ей. Внутри всё сжалось. Она вспомнила янтарные искры в кустах. Как они качнулись и погасли. Тогда ей показалось, что это волк. Теперь же она ни в чём не была уверена.

Илана тряхнула головой и усмехнулась про себя. Отлично. Просто отлично. Ещё вчера она переживала из-за Артёма и о том, в каком он будет шоке, когда увидит её такой сногсшибательно красивой, а теперь у неё, кажется, серьёзные проблемы с головой или слишком бурная фантазия. Илана приняла решение не торопиться и посидеть в коридоре на скамейке, позависать в телефоне, бездумно скролля ленту соцсетей. На историю она опоздала. Да и бог с ней — не до Артёма. Главное, что она отдышалась и пришла в себя.

После пар она поймала себя на мысли, что боится возвращаться одна в свой пустой дом. Нет уж, сегодня хватит приключений! Она достала телефон и написала Лере: *«Ты сегодня у меня ночуешь. Это не просьба».* Потом подумала и скопировала это же сообщение в переписки с Машей, Лией и Владом. Чем больше народу, тем меньше шансов, что янтарные глаза из темноты окажутся не такими безобидными.

Домой она ехала, стоя в переполненном автобусе. Ей казалось, что у всех вокруг жёлтые глаза и они все на неё неотрывно смотрят. На одном из поворотов кто-то толкнул её плечом. Илана обернулась, но толпа уже сомкнулась, и она не поняла, кто это был. Только почувствовала в этот момент, как по её ладони скользнуло что-то острое, а затем сиюминутно прижалось и исчезло. Илана прижала руку к груди и увидела: высокий бородатый мужчина в тёмной куртке и солнцезащитных очках, стоявший рядом, сжимал в руке салфетку. На её белоснежных складках прямо на её глазах расплывалось красное пятно. Её кровь. Он взял её и приложил к лицу, вдыхая. Крылья его носа по-звериному расширились и сомкнулись, почуяв её запах. Илана открыла рот, чтобы закричать, но мужчина уже шагнул к выходу и слился с потоком выходящих пассажиров.

«Он забрал мою кровь. Зачем?» Внутри всё похолодело. Она смотрела на царапину и уговаривала себя, что это случайность. Толкучка. Кто-то задел украшением. Часами. Молнией на куртке. Ну не когтем же. Не мог же это быть коготь.

Но перед глазами стояла рука незнакомца — слишком быстрая, слишком точная, и на мгновение ей показалось, что пальцы на этой руке заканчивались вовсе не безобидными ногтями, а тёмными, заострёнными когтями. Слишком длинными для человека.

***

Пламя погребального костра взревело, рванувшись к небу в тот самый миг, когда первый луч Луны коснулся сложенных на вершине веток. Стая обступила поляну предков — все до единого. Седые старейшины, воины, волчата после первого оборота. Они стояли кругом, уронив головы, и тишина давила на плечи. Эйдан чувствовал её затылком. Все ждали, когда главный шаман — Орин Волот — нарушит её.

Но тот медлил: Орин пил власть до дна, смакуя каждую каплю безвременья. Трое младших шаманов, наречённые сыновья, замерли за его сутулой, с торчащими из-под тонкой кожи позвонками спиной тенями. Белёсые, лунные глаза с голубоватыми искрами, что напоминали

осколки лунного камня, лучились холодным торжеством. Это его время. Время Орина. Эйдан знал правила: пока тело старого короля не предано огню, новый — ещё не властен, и стаей правит Шаман. Две ночи Орин упивался могуществом, дарованным лишь смертью, и требовал покорности. Умасливал Луну, вымаливал благосклонность. Стая безропотно повиновалась. Эйдан кривился от этого знания, но вынужден был ходить к нему, убийце отца, на поклон… и молить, чтобы Шаман провёл тризну по его отцу, как того требовал обычай. Соблюдая все традиции.

Две ночи шаман и его ученики готовили тело Торна Белоярова к последней дороге. Сперва обмывали в студёных водах лесного ручья, смывая с кожи кровь и грязь смерти. Затем облачили в лучшие одежды: серебристую тунику, шитую волчьей шерстью, и тяжёлый плащ на меху белого медведя. На грудь Короля лёг родовой амулет с клыком Первого Вожака, к поясу же прикрепили меч — знак королевского достоинства. Остаток ночи стая провела в бдении: волки сидели вокруг помоста недвижно, и лишь огонь костров, мерцая, тлел в их зрачках. Старейшины один за другим подходили к усопшему, касались его лба своими носами и скулили слова прощания.

На вторую ночь старейшины по традиции воскресили тени былых битв. Молодые воины в доспехах из бересты и сыромятной кожи сходились в схватках, повторяя движения древнего ритуального боя, знакомые Эйдану с детства: «Вот Праотец идёт напролом к медведю-оборотню; вот отражает натиск чужого клана; вот в одиночку стоит насмерть у горного перевала». В воздухе дрожал призрак былого величия Белого Яра — стаи, пронесшей свою волчью суть сквозь тысячелетие бытия среди людей.

Когда представление древней былины угасло, женщины завели причитания. Сперва тихие, едва различимые, как шелест травы, затем всё выше, пронзительнее, перетекая в обрядовый плач. Их голоса сплетались с воем ночного ветра, и чудилось, будто сам лес хоронит ушедшего вожака. Эйдан стоял в стороне, сжимая медальон, и молча наблюдал, как старейшины привычно укутывают тело отца погребальными пеленами, перемежающимися с благовониями и душистыми травами. Он не участвовал в обряде и просто ждал.

Сегодня же наступила долгожданная для души Торна — третья ночь. Ночь перехода. Вся его стая была здесь, готовая проводить вожака в последний путь. Каждая семья знала своё место. У самого костра замерли потомки Великого Дома Эвра Смелого — те, чьи предки выли под этой Луной тысячу лет кряду. За ними — воины, следопыты, целители. И даже Пришлые, державшиеся особняком, старались соблюсти негласные правила.

Эйдан заметил, что все семьи его стаи специально вывели на первый план своих незамужних дочерей. Девушки-волчицы, ещё не нашедшие пары, стояли как на подбор у самого огня и бросали на него быстрые, зовущие взгляды. Одна из них — золотоволосая Злата, дочь военачальника — даже улыбнулась, поймав его глаза. Эйдана передёрнуло: их Король ещё не остыл, а они уже строят планы на нового. Он отвёл взгляд. «Неужели не понимают?» — подумал он с глухим раздражением. А время вокруг оглушало своей тишиной.

Оборотни переминались, косились в сторону Эйдана — он чувствовал их нетерпение спиной. Чёрные мантии струились по их обнажённым телам до самой земли — одно отработанное годами движение, и они полетели бы наземь, стоило лишь поддаться зову Луны. Лишь немногие — самые сильные и талантливые — могли позволить себе принять полуформу, сохранив полный контроль над разумом и достоинство среди всеобщего звериного безумия. Остальные же обращались в волков полностью, становясь на время церемонии чистыми зверьми, подчиняющимися свечению Луны и рычанию Короля. От этой мысли у Эйдана кружилась голова и пересыхало в пасти.

Ожидание жгло. Он стоял в центре, у самого края костра, и смотрел, как последнее пламя отца пожирает само себя, набирая яростную силу. Жар обдирал лицо, но он не пятился. Со стороны казалось: ещё миг — и его серебряная мантия, шитая чёрными лунами и звёздами,

вспыхнет сама. Наконец он не выдержал. Резко обернувшись, Эйдан вперился в белёсые глаза шамана.

— Пора, — слово упало камнем, разрезав тишину ожидания вокруг.

Орин будто очнулся. В глубине его зрачков на миг полыхнуло раздражение: щенок посмел указывать! Ему! Но он сдержался, чувствуя спиной нетерпеливые взгляды каждого соплеменника. Медленно, почти лениво, шаман шагнул вперёд, и тело его потекло, меняясь. Хрустнули кости, раздались плечи, и вот он уже возвышался над поляной в своей излюбленной полуформе: верх человеческий, низ звериный. Мощные серые лапы с длинными когтями вдавились в землю. Длинная мантия цвета запёкшейся крови ниспадала с плеч тяжёлыми складками, расшитая серебром фаз Луны, рун и древних символов. Она была скроена так, чтобы укрывать его в любом обличье: широкие рукава прятали руки-лапы, подол волочился по земле, заметая следы.

Шаман воздел голову и запел. Низкий, гортанный гимн разнёсся над поляной, и стая подхватила его, как подхватывает ветер искру. Трое младших шаманов вплели свои голоса в голос наставника. Эйдан молча смотрел, как четверо соплеменников подняли с постамента носилки с телом отца и медленно понесли их к ревущему костру. Носилки легли на огненный постамент. Эйдан вцепился взглядом в пламя, плотоядно облизывающее отцовское тело, и сжал в ладони медальон-печать, чей металл холодил кожу.

Шаман резко запрокинул косматую голову и завыл — глухо, с сиплым привкусом, посылая зов Луне. Затем оборвал вой и с упоением прорычал слова упокоения:

— О Луна, Царица Ночи! Прими сына своего Торна в свои объятия!

Его стая, движимая единым порывом, отозвалась и повторила за ним на одном дыхании первую фразу священного действа, должного провести Торна через невозвратную черту, разделяющую навь и явь.

— Прими сына своего! — их объединённые голоса взметнулись к небу, и пламя костра качнулось им навстречу, будто сама Богиня услышала зов.

— Забери его душу — да хранит она заветы твои в царстве твоём! — призвал шаман.

— Забери его душу! — заворожённо глядя на всполохи погребального пламени, вторила ему вся стая: младшие шаманы, Эйдан и другие соплеменники. Казалось, что они все сейчас находятся не на священной поляне, а где-то в горах, где живёт сказочный волк Хорус, разговаривающий с путниками обрывками их фраз.

— Возьми прах его — да станет он твоими облаками!

— Возьми прах его! — оборотни не просто прощались — они возвращали Вожака домой. Туда, где нет боли, нет яда, нет предательства. Где живёт лунный свет, благодать ночных садов, пиры и игрища великих предков, наблюдающих оттуда за ныне живущими волками.

— О, Богиня! Выпей кровь его — да сольётся она с кровью предков и станет твоим морем!

Ответом ему был волчий рёв повторения, от которого содрогнулись деревья и замерли птицы в лесу. Каждый волк на поляне чувствовал, как его собственная кровь закипает в жилах, как древняя сила предков пробуждается и вливается в их общий, единый голос.

Шаман обвёл стаю мутным взглядом — тех, кому был обречён служить до конца своих дней. На мгновение в его белёсых глазах мелькнуло что-то похожее на страх — не перед Луной, а перед ними, объединёнными горем и яростью. Но он сдержался.

— Да будет так! — резко и хлёстко гаркнул он заключительную строку молитвы.

И стая выдохнула, как один гигантский зверь:

— Да будет так!

Луна на мгновение стала ярче, словно и правда принимала дар. А в наступившей следом тишине, ещё более оглушительной, чем вой, каждый услышал, как где-то далеко, за гранью

слышимого, Торн Белояров занял своё место среди предков. И волчий вой на мгновение стих, сменившись безмолвием, полным света.

Мир вокруг пошёл рябью, как вода от брошенного камня. Сотни оборотней, не сдерживаемых более человеческим разумом, ринулись в объятия Луны. Тела ломались и перестраивались, уступая место зверям, и через несколько ударов сердца на поляне предков не осталось ни одного человека — только волки. Белые, серые, бурые — они задирали морды к Луне и выли, посылая голоса к Богине.

Лишь одна замешкалась. Злата, дочь военачальника, сбросила мантию первой, не дожидаясь остальных. Её нагое тело, белое, как лунный луч, резко вспыхнуло в отсветах пламени. Золотые волосы растеклись по плечам, почти ничего не скрывая. Она стояла нарочно, не отводя от Эйдана дерзкого взгляда, — пусть видит. Пусть запомнит! Затем, с хищной усмешкой, она начала меняться, слегка раскачиваясь с грацией королевской кобры, гипнотизирующей жертву перед броском. Она не стеснялась сжигаемого тела покойника в десятке метров от себя и откровенно проводила руками вдоль манящих линий и точек на карте своей кожи. Тело перетекало в звериную форму плавно, выдавая сильную, чистокровную волчицу: золотистая шерсть хлынула по коже, и вот на поляне стояла она — крупная, изящная, с горящими янтарём глазами полуволчица-получеловек.

Эйдан поморщился оттого, что мгновенно понял этот неуместный, вызывающий танец. И всё же в груди захватило дух, и оттого на миг потеплело внизу живота. «Красива, демонова девка». Безумно красива и... Он отвёл взгляд резко, словно обжёгся, и заставил себя думать о другом. К горлу снова подкатила горечь — отец ещё горит, а он уже…

Очнувшись от минутной слабости, Эйдан сделал то же, что и его соплеменники. Белая шерсть проступила по коже, выглядывая из-под церемониальной серебряной мантии. Волк пытался прорвать её, но усилием воли Эйдан легко сдержал порыв и принял свой истинный королевский облик: огромный белый полуволк с серебряной проседью, с льдисто-голубыми глазами, пылающими в свете погребального костра. Он стоял в самом центре, у кромки пламени. Жар лизал лицо, но он не отступал. Он смотрел, как огонь пожирает тело отца — того, кто ещё несколько дней назад был полон сил и жизненных планов. Того, кто учил его читать следы, слушать ветер и охотиться. Горло сдавило, но Эйдан не позволил себе ни звука. Ни воя, ни стона. Только ладонь, сжимавшая медальон-печать, побелела от напряжения.

Вой раскатывался над лесом, бился о покатые холмы и возвращался обратно, многократно усиленный. Эйдан чувствовал на себе их взгляды — оценивающие, выжидающие. Ветром доносило едва сдерживаемый шёпот: «Новый Король… слишком молод. Слишком бел. Мальчишка. Он похож на призрака. И он будет вести нас?»

«Кто ты теперь, Эйдан?» — билось в голове. Он смотрел в пламя и думал об Орине. О том, как шаман стоял на похоронах рядом с ним, на самом видном месте. Как его тонкие губы кривила едва заметная улыбка, а белёсые глаза смотрели куда-то сквозь огонь. Он знал. Знал, что убил Торна, и ничего не боялся. И он знал, что Эйдан догадался о том, кто помог его отцу уйти на тот свет.

«Я убью тебя, чёртов ублюдок», — мысленно пообещал Эйдан, не сводя глаз с шамана. — «Но не сейчас».

Сначала — она. Илана — неведомая дочь Торна. Девушка, о которой он не знал ничего, кроме имени и того, что в нём — его долг. У него была только одна догадка, и он молился, чтобы она не подтвердилась, и Илана оказалась не дочерью той волчицы, о которой он запрещал себе думать.

Бесконечный день кончился. Зверь внутри требовал выхода, но Эйдан сдержал его. Не сейчас. Он в последний раз взглянул на догорающий костёр, развернулся и, не оборачиваясь, пошёл прочь от поляны предков. Его ждал медальон-печать — завет ушедшего отца, секрет,

который мог всё изменить. Эйдан шёл к башне, и ветер нёс ему запах дыма и приближающейся грозы.

Тризна закончилась, а ночь продолжалась — а вместе с ней и охота на наследницу.

Глава 2 ТАЙНА МЕДАЛЬОНА

Сандра вернулась домой раньше, чем планировала. В человеческом мире она давно была Александрой Ивановной — женой Георгия Николаевича, матерью Иланы. Обычной, тихой и приятной женщиной, которая выращивала травы на подоконнике и пекла яблочные пироги. Никто из соседей не знал, что «тихая Саша» когда-то носила другое имя. Сандра Белоярова. Королева Белого Яра. Беглая жена Великого волка.

Дома было пусто. Георгий — Гора, как звала его Илана с детства, потому что «Г» ей в три года не давалось, а «р» получалось отлично, и кто бы мог тогда подумать почему, — остался у родственников. Илана ночевала у подруги — отчиталась сообщением. Сандра прошла по комнатам, провела ладонью по старому дубовому столу в кухне, по занавескам, которые сама вышивала. Их дом. Их крепость. Их убежище, которое она строила двадцать лет, пряча дочь от мира, которому та принадлежала по праву рождения.

И теперь эта крепость дала трещину.

Она подошла к окну и замерла. Запах. Слабый, почти выветрившийся, но безошибочно узнаваемый. Дикий медведь. Здесь. Рядом с её домом. Рядом с её дочерью.

Сандра стиснула зубы. Прошлой ночью она почувствовала, как Торн ушёл. Луна приняла его — она знала этот отзвук, эту короткую вспышку в крови, когда умирает вожак. Торна больше нет. Тайна Иланы висит на волоске. Стая узнает. Эйдан придёт. Или Орин. Или те, с жёлтыми глазами и железом под кожей, которые, возможно, уже проникли в их город. В их жизнь. В их дом.

Она смотрела на лес, за которым когда-то осталась её настоящая жизнь, и думала об одном: успеет ли она рассказать дочери правду до того, как эта правда настигнет их сама?

***

Эйдан наконец поднялся в кабинет своего отца, который скрывался в глубине центральной башни Сумеречного дворца, затворил за собой дверь и замер. Здесь пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — едва уловимым и горьковатым, как сухая полынь. Он помнил этот запах с детства. Отец называл его «запах дел».

Тишина вокруг стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным. Эйдан медленно обвёл комнату взглядом. В самом центре стоял старый дубовый стол — за которым столетие назад сидел ещё его прадед. На полках по углам комнаты лежали старинные свитки с законами стаи. На стенах висели выцветшие от времени карты угодий с пометками отцовской руки. Всё как всегда на своих местах, будто Торн сейчас войдёт, сядет в кресло и скажет: *«Ну, давай рассказывай, сынок!»*

Но он не войдёт и не скажет.

Эйдан сглотнул вязкую слюну, сдерживая в горле подступивший комок горя, подошёл к столу и провёл ладонью по его столешнице — дерево было холодным и чуть шершавым на ощупь. Оно больше не хранило тепло тела его отца.

На рабочем столе стояли монитор, клавиатура и две фотографии в строгих бронзовых рамках. На одной — счастливые Эйдан, Торн и мама Эйдана — Сандра. На другой — родители Торна. Эйдан взял первую рамку, задержал взгляд на лице матери. Пальцы сжали бронзу сильнее, чем нужно. Он поставил рамку обратно — аккуратно, словно боялся разбить.

Его внимание привлекла клавиатура, которая сегодня стояла не идеально по центру, а чуть скошена. Странно, подумал Эйдан, приподнял её, чтобы поставить ровно, и замер. Под клавиатурой лежала ещё одна фотография с мятым краем.

Он поднял её — красивая молодая девушка с длинными чёрными косами и тёмными, чуть раскосыми глазами смотрела на него с выцветшего снимка. В её взгляде Эйдану почу-

дилось что-то смутно знакомое — словно тень воспоминания, которое никак не могло оформиться в мысль. Эйдан видел её впервые. Он перевернул фото — на обороте твёрдой рукой отца было коротко выведено: «А.»

Кто она? И почему отец хранил её фото прямо здесь, среди самых личных вещей? Эйдан всмотрелся в её лицо и почувствовал странное, необъяснимое волнение. Он вздрогнул от нахлынувшей эмоции и поспешил отложить фотографию в сторону.

Вместо неё он взял в руки отцовский медальон. Главный артефакт рода Белояров. Эйдан поднёс его к лунному свету, льющемуся из окна, повертел, затем провёл пальцем по вырезанной волчьей голове, ожидая изменений, — но ничего не произошло. Осмотрел медальон со всех сторон и задумался.

Он попробовал поступить так, как подобает оборотню: сжал медальон в кулаке, призвал внутреннюю силу. Медальон молчал. Ноздри Эйдана раздулись от нетерпения. Резко выдохнув, он достал из кармана складной нож и сделал лёгкий надрез на пальце. Уронил каплю крови — она скатилась по золоту и застыла на отцовском столе тягучей алой каплей. Ничего не произошло. Медальон продолжал молчать.

Эйдан выдохнул — разочарованно. И тут его осенило. Его отец — Торн — всегда был старомоден в вопросах стаи, но в личных делах... Эйдан вспомнил, как тот частенько говорил ему: *«Люди умеют делать весьма полезные вещи»,* — и решил запустить компьютер.

Компьютер включился. На голубом экране появилась надпись: «Ошибка. Вставьте внешний носитель и нажмите кнопку "Ок"». Эйдан задумался и ещё раз осмотрел медальон — и в этот раз заметил сбоку тонкое, почти незаметное углубление справа от волчьей морды. Он нажал на него ногтем, и пластинка выехала вперёд, увлекая за собой маленькую флеш-карту. Самую обычную и такую человеческую.

— Отец... — выдохнул он, и губы тронула улыбка. Великий вожак, хранитель традиций, господин Белого Яра — и хранил свои тайны на флешке, как обычный человек. В этом было что-то родное и до боли забавное.

Эйдан покачал головой, достал из ящика отцовского стола адаптер для флешки и подключил её к компьютеру. Экран вновь загорелся — и открыл рабочий стол. В левом верхнем углу Эйдан заметил жёлтую папку, подписанную «Для Эйдана». Он щёлкнул по ней два раза — и она открылась. В папке лежал один-единственный видеофайл. Эйдан запустил его, и экран ожил.

Отец. Живой. Спокойный. Он сидел в этом же кабинете, за этим же столом, и смотрел прямо в камеру. На нём была та самая серебристая туника, которую Эйдан помнил с детства. Волосы зачёсаны назад, но одна прядь выбилась — как всегда. Торн улыбнулся — той самой знакомой улыбкой, что появлялась, когда он собирался сказать что-то трудное. Эйдан замер, а его сердце предательски бухнуло в рёбра, ожидая ответы на неизвестные вопросы.

— Здравствуй, Эйдан. Если ты смотришь это — значит, меня больше нет. Прости, что оставляю тебе этот груз. Но ты единственный, кому я могу доверять.

Эйдан узнал этот тон. Отец записывал послание заранее — голос ровный, без хрипов и надрывов, но что-то в нём уже тогда звенело от предчувствия. Торн помедлил и продолжил.

— Итак, сегодня я хочу рассказать тебе одну историю. Обо мне. О том, каким я был когда-то. И о том, как моя гордость сгубила одну человеческую душу.

Ты знаешь, что если оборотень-вожак до тридцати лет не находит предназначенную Луной пару, то становится изгоем и лишается трона? А я не нашёл свою пару. И очень не хотел терять власть.

Он помолчал.

— Сандра... — Торн задумчиво протянул её имя, пробуя звук на вкус. Он много лет не касался его, и теперь оно звучало чужим и далёким. — Сандра была сильнейшей волчицей из Серой стаи и дочерью вождя. Ей было двадцать пять, и она тоже была одиночкой. Никак не

могла найти пару. Её родители предложили нам пожениться в обход законов истинной луны. Нам был выгоден этот союз: я получал супругу и приданое, она — защиту и трон. Так мы пошли на сделку с совестью и Шаманом нашей стаи — Орином.

Торн сжал переносицу.

— За это разгневанная богиня лишила нас потомства. Ситуация с наследованием Белого Яра ухудшалась: трон трещал под нами, а стая теряла терпение.

Он замолчал и провёл рукой по волосам, будто пытаясь скинуть с себя невидимую корону и стать просто человеком. Помолчав, он продолжил:

— И тогда случилось то, что перевернуло мою жизнь. Я встретил её — свою настоящую любовь. Свою пару. Айлу.

Голос его дрогнул. Впервые за всё время записи он улыбнулся — будто вспоминая самый счастливый миг своей жизни.

— Я помню её лицо так ясно, будто видел вчера. Чёрные косы до пояса, смородиновые глаза — чуть раскосые, они смеялись раньше губ. От неё пахло степным ветром и чем-то сладким — она говорила, что это чабрец. Она была человеком, но в ней было столько жизни, что любой волк позавидовал бы. Мы не просто любили — мы дышали в унисон. Я слышал её сердце сквозь бури и дожди, чувствовал её страх и радость, как свои собственные. Моя душа пела, когда она была рядом.

Торн помолчал, глядя куда-то мимо камеры, словно видел её там, за гранью времени. Затем улыбка погасла.

— Только она могла бы родить мне волчонка, потому что была моей истинной парой. Но человек не может выносить зверя — это смертельно. За что богиня так жестоко посмеялась надо мной? Дала мне долгожданную пару, без которой я не мог дышать, — и сделала её человеком. Обычным двуногим, лишённым дара Луны.

Я искал выход и нашёл его в древних книгах: обряд обретения Луны. Он позволил бы Айле выносить и родить ребёнка без последствий для себя. И у меня родился бы наследник, которого мы с Сандрой выдали бы за своего. Она так же, как и я, была загнана в угол: у неё не было истинной пары, она стала моей Королевой в обход заветов предков и была бездетной. Поэтому она приняла план и согласилась имитировать беременность — ради закона и нашей стаи.

Торн замолчал на мгновение. В его глазах мелькнула застарелая боль.

— Мы провели обряд, — прошептал он. — Орин, наш шаман, был против и не хотел участвовать в этом святотатстве. Он был в ярости, но я заставил его как король. И он подчинился. Но не только гнев им двигал. Древние ритуалы были полузабыты не просто так: они могли привести к последствиям, которых никто не мог предвидеть. Орин знал это. И всё же сделал то, что я приказал.

В ту ночь было полнолуние. Орин разжёг травы, запел песнь богине, достал ритуальный нож и чашу, которую я и он должны были наполнить кровью, чтобы Айла выпила её. Всё шло по плану, но затем появился плотный туман и стремительно окутал нас своей пеленой. И дальше я... я ничего не помню.

Голос его стал глуше.

— Я очнулся на рассвете. Трава была холодной от росы. Айла лежала рядом — обнажённая и безмятежно прекрасная. Её косы чёрными змеями окутали нас обоих.

Эйдан слушал, перестав дышать.

— Всю беременность Айла была счастливой. Она чувствовала, что родит сына. — Торн тяжело сглотнул. — Обряд должен был защитить её. Она должна была выжить. Но когда начались роды, что-то пошло не так. — Он осёкся. Челюсти сжались, взгляд заметался, словно он снова видел то, что хотел бы забыть. — Я не могу... не могу описать это словами. Она... Айла угасала на глазах, и я ничем не мог ей помочь. Она умерла, давая тебе жизнь, и я остался один

с тобой на руках. Моя душа пела, когда она была рядом. А потом... всё, что от неё осталось — это пепел.

Торн надолго замолчал, глядя куда-то мимо камеры. Потом криво усмехнулся и продолжил:

— Сандра была с нами. Она принимала роды. И когда ты закричал впервые, она подняла тебя к лунному свету, и её лицо вдруг побелело. Глаза затуманились, как бывало всегда, когда к ней приходил её дар. И она прошептала: *«Он родился Поцелованным Луной. Она будет говорить с ним, указывать путь в ночи. Вести своей дорогой. Помогать и оберегать в трудную минуту. Это величайший дар и ужасное проклятие. Такие оборотни…»*. Наваждение спало, и Сандра беспомощно потеряла мысль, которую узнала...

Он поднял глаза прямо в камеру, и Эйдану показалось, что отец смотрит прямо на него сквозь время и смерть.

— Это всё, что я могу сказать тебе про твоё рождение.

В кабинете повисла долгая пауза, и запахло нехорошим предчувствием. Казалось, что даже сам кабинет вокруг притих, вслушиваясь в то, как бешено колотится сердце Эйдана.

На экране Торн тяжело вздохнул и продолжил:

— После смерти Айлы я возненавидел Сандру. Не за что-то конкретное, нет. Просто она была там. И это она принимала роды. Каждый раз, когда я смотрел на неё, то видел её руки в крови моей любимой. Слышал её голос — и вспоминал крики Айлы. Сандра жила, а Айлы больше не существовало в этом мире.

Я конечно понимал, что она не была виновата, но ничего не мог с собой поделать. Я ненавидел её.

А потом всё стало ещё хуже. Сандра… Сандра посмела встретить свою настоящую любовь! Человека! — Он горько усмехнулся. — Я был в бешенстве. Мало того, что она, как я считал, была причастна к смерти Айлы, так она ещё и спуталась с человеком! И не соглашалась отказаться от этой любви!

Её задача была простая — воспитывать тебя, быть хорошей матерью, послушной женой и королевой. А она посмела влюбиться! Мечтать стать счастливой! И это в то время, когда моя любовь превратилась в пепел.

Я не хотел её отпускать, мы ведь столько всего натворили, чтобы остаться во главе стаи. От всего этого я стал много пить. Чтобы забыться. Ты, наверное, помнишь то время? Я почти не просыхал. И однажды... — Он надолго замолчал, подбирая слова. — Сандра не стала это терпеть. Сбежала к своему человеку. А я не стал возвращать. Мне, конечно, было обидно, но я вспомнил себя и Айлу и понял, почему Сандра ушла к своему любимому. Отдалённо наблюдал через посредников, что жива и здорова, родила дочку, живёт как человек.

Но… недавно всё изменилось: Сандра сама связалась со мной, спустя столько лет. — Торн покачал головой. — Сама пришла ко мне, и оказалось… что все эти годы она скрывала от меня дочь! Мою дочь! Настоящую. Все эти годы! Я не мог поверить. Отрицал, злился. Но она показала мне созвездие Луны на плече Иланы — родовой символ моей мамы. И я понял: это правда. Я хотел убить её за это, но потом остановился, вспомнив Айлу и её жертву, ради своего ребёнка. И понял. Понял, что она прятала дочь от меня, потому что боялась. Боялась, что я отниму её ребёнка. И она была права. Я бы отнял. Я бы взял своё. — Он сглотнул. — Потом Сандра рассказала мне, что Илану преследуют и что кто-то в человеческом мире открыл на неё охоту. И знаешь, весь мой гнев, вся обида — всё это стало вдруг неважным. Осталась только она. Илана. Моя дочь. Которую я никогда не видел и которую должен спасти.

Торн замолчал. Улыбка сползла с его лица.

— Эйдан, сынок! Найди её. Защити. Это мой последний приказ, и выполни его сразу, как только услышишь. Дорога каждая секунда.

А затем отец вдруг усмехнулся. Взгляд стал отсутствующим, словно он смотрел куда-то в прошлое.

— Знаешь, о чём я в последнее время часто вспоминаю и никак не могу забыть? — он помолчал. — О том, как мы ходили с тобой на рыбалку в день твоего десятилетия. Ты поймал своего первого хариуса и сказал, что это лучший день в твоей жизни. А я ответил: «Такие моменты нужно хранить в памяти. Не на бумаге». Понял, сынок?

Эйдан замер в недоумении. Рыбалка? В день рождения в десять лет? Он не помнил. Ни хариуса, ни этого разговора. Ничего. Потому что такого никогда не было.

Торн продолжал — голос стал рассеянным, будто он перебирал старые фотографии:

— Потом мы долго пытались найти созвездие Рыбы. Мой опыт подсказывал, что оно слева, а ты говорил, что справа. Через неделю ты принёс дневник с двойками по астрономии. Это была чёрная шутка, потому что ты знал созвездия лучше меня. И географию тоже, хоть у тебя накопилась гора троек.

Эйдан понял, что отец не просто так всё это сказал. За этими словами что-то пряталось — и это «что-то» было замком, ключ от которого он прекрасно знал.

Торн выпрямился и посмотрел прямо в камеру:

— Эйдан, я знаю — ты злишься. Ты имеешь на это право, но… Прости меня! За всё. И помни — ты мой сын. Несмотря ни на что!

Видео остановилось, и Эйдан вгляделся в последний раз в лицо отца. Тишина обрушилась на плечи, тяжёлая, как могильная плита. Под её тяжестью Эйдан сидел неподвижно. Его мир только что перевернулся и разбился на тысячу осколков, а он даже не успел выставить руки, чтобы смягчить удар. Мать-человек, которую он никогда не знал, отдала за него жизнь. Сандра, которую он ненавидел все эти годы, пыталась спасти его отца и подарить ему, чужому сыну любовь. Пыталась. А потом сбежала. Бросила его, волчонка, который звал её мамой. Она выбрала свою жизнь, свою любовь — и даже не оглянулась. Всё это было очень горько и разбередило старые раны на душе Эйдана.

«Любовь, — с горечью подумал он. — *Что это за любовь такая, что крушит всё на своём пути? Торн поддался ей и потерял Айлу. Сандра поддалась ей и предала его. Оба связались с людьми — и к чему это привело? К пеплу. К могилам. К лжи, которая длилась двадцать лет».*

А сам Торн — его якорь, его крепость — всю жизнь нёс на плечах этот груз вины и страха. И всё ради него. Ради Эйдана, которого почему-то поцеловала Луна.

«Поцелованный Луной. Что за чушь? При чём здесь богиня? И зачем ей со мной говорить?» Он фыркнул, но холодок, пробежавший по спине, сказал ему, что он врёт сам себе. Внутри поднималась ярость. Но на кого? На отца, который лгал? На Сандру, которая бросила? На Орина, который убил? Или на Луну, которая играла ими, как пешками?

Эйдан резко вскочил, опрокинув кресло. Кулак с грохотом впечатался в столешницу — раз, другой, третий. Дерево жалобно треснуло, но он не остановился, выплёскивая боль, пока костяшки не заныли от ударов. Из груди вырвался сдавленный крик — что-то на полпути от зверя к человеку.

Придя в себя, Эйдан замер, тяжело дыша, затем отключил компьютер и спрятал флешкарту туда, где её изначально нашёл — в медальон-печать.

Отец отдал ему последний приказ. Он выполнит его. А потом подумает над рыбалкой, созвездиями и двойками. Эйдан догадался, что это могло бы значить, потому что знал, как на самом деле встретил свой десятый день рождения. Каждое слово странной речи отца имело значение, и он вытащит из этой абракадабры нужную фразу. Но не сейчас. Сейчас — бежать.

Глава 3 ВСТРЕЧА СПУСТЯ ВЕЧНОСТЬ

Эйдан белой стрелой мчался сквозь чащу леса. Земля мелькала под лапами, ветки хлестали по морде, но он не сбавлял скорости. Мысли рвались, зверь внутри клокотал — голос отца всё ещё звучал в ушах. Но сейчас он не позволял себе думать. Время уходило. Он чувствовал это каждой клеткой: Илане грозит опасность. Торн предупреждал — враги уже знают о ней. Значит, они уже в пути. Медальон-печать на шее жёг кожу. Он был тяжёлым, как долг, который он теперь нёс и о котором не должен был знать никто в его клане.

Город вырос перед ним неожиданно — серые высотки, грязные улицы, ровные линии парков. Эйдан остановился на окраине и поморщился. Бензин, асфальт, выхлопные газы — этот мир пах мертвечиной. Он не любил людей. Они были слишком шумными, слишком наглыми, слишком бесцеремонными. Гораздо ближе ему был лес — хаотичный, живой, настоящий. Но здесь жила Илана. Другого пути не было.

Эйдан двинулся дальше — туда, где река плавно поворачивала влево и открывала дорогу к небольшому коттеджному посёлку. В одном из домов, почти у самой кромки воды, жила она — женщина, которую он когда-то называл матерью. Он крался под плащом тени к дому Сандры. Остановившись, осторожно принюхался — рядом никого не было. Как и много лет назад, он подошёл к большому серому камню, лежащему недалеко от дома, встал на него передними лапами, повернул косматую голову в сторону забора и вгляделся в окна, светящиеся мягким тёплым светом людских ламп.

Однажды он уже был здесь. Лет пятнадцать назад. С тех пор ничего не изменилось. Он вспомнил, как тогда его гложило любопытство: как там мама? Как она выглядит? Всё ли с ней в порядке? Придя сюда в тот раз, он увидел рядом с мамой чужую красивую золотоволосую девочку — она была очень похожа на Сандру. Его мама весело смеялась и играла со своей дочерью. Эта простая семейная минутка чужого счастья, подсмотренная украдкой, обратилась горьким послевкусием в душе Эйдана. Тогда он дал себе зарок больше не приходить сюда. Никогда.

И стоя здесь сейчас, Эйдан невольно вздрогнул: белая шерсть хлынула по лапам, оголяя человеческие руки. Но он сдержал оборот. Обратиться здесь и сейчас в человека было бы глупо: оказаться в обнажённом виде рядом с людьми — странно, неловко и чревато последствиями. Люди в последние годы любили везде вешать камеры. А становиться сенсацией в интернет-трансляциях оборотню явно не хотелось. Он всегда был осторожен.

Краем глаза Эйдан заметил лёгкое движение в ближайшем окне. Тень, проявившись на фоне подсвеченной электрическим светом шторы, резко распахнула её, и оборотень увидел длинноволосую девушку, которая рассеянно смотрела на серебряный диск Луны. Было в ней что-то тревожное и странное. Это, несомненно, была Илана. Девушка не видела Эйдана или просто не обратила на него внимания. Она завороженно смотрела на богиню Ночи и что-то шептала ей.

«Знает наши молитвы?» — подумал Эйдан. Его волчьи уши напряглись и настороженно развернулись к прирождённой принцессе стаи. *«Ничего особенного,* — решил он. — *Обычная девчонка».*

Он прислушался и удивлённо понял, что она поёт. Это была колыбельная Луне, которую когда-то пела ему мама. В последнюю секунду песни Илана резко перевела глаза в сторону оборотня и удивлённо охнула. Эйдан не стал ждать, что будет дальше, и тихо скрылся в тени. Бросив наблюдать за сестрой, он ушёл обратно в лес, запрокинул голову и завыл призывный напев своего народа. Он сделал то, что и планировал: вызвал Сандру. Она пришла, настороженно оглядываясь по сторонам.

— Ну здравствуй, мама.

Сандра вздрогнула, как от удара. В её глазах метнулся страх — не перед ним, а за то, что будет дальше.

— Эйдан... — Она сделала шаг назад. — Зачем ты пришёл? Спустя столько лет?

— Твой муж, Торн, умер.

Она замерла. Медленно выдохнула — и в этом выдохе было всё: и облегчение, и вина, и многолетняя боль.

— Мой муж, — сказала она тихо, с нажимом, — сейчас спит там. — Она кивнула в сторону дома. — А Торн перестал им быть в тот миг, когда я ушла.

— Он сказал мне, что Илану преследуют. Я заберу её в стаю. Там мы сможем защитить её.

— Нет. Она не может жить среди волков, потому что не знает, кто она на самом деле. Она ничего не знает о вашем мире! — невольно Сандра перешла на крик. — Она ещё ни разу не оборачивалась! Она даже не знает, что я оборотень!

— Это не мои проблемы. Отец завещал мне спасти сестру. И я это сделаю. Любой ценой. Если на Илану началась охота, значит, кто-то в курсе, кто она и кем может стать.

— Дай мне три дня. Я попробую объяснить ей всё, — обессиленно прошептала Сандра.

— Я дам тебе один. И потом приду за ней. Тебе нет места в стае, — Эйдан жёстко обрубил последнюю фразу, развернулся и прыгнул в сторону леса, показывая, что разговор окончен и решение принято безоговорочно.

Он ушёл не оборачиваясь — так же, как когда-то Сандра ушла от него. Ему не было её жаль. Он делал то, что должен был сделать. Он принимал решение. И она подчинится. Кому, как не ей, знать, что место Иланы — среди стаи, где она могла бы быть принцессой крови.

Но Эйдан не успел уйти далеко. Он остановился на поляне у кромки леса, втянул воздух и замер, услышав смутно знакомый волчий крик: так когда-то рычала его мама, когда в далёком детстве на него напал бешеный медведь. А ещё он почувствовал едва уловимый запах чужой стаи — с привкусом металла и медицинского учреждения.

Эйдан поморщился: «Кайл. Вот чёрт». Волки Чёрной Луны уже были здесь. Намного раньше, чем он предполагал. Оперативно. Значит, их предупредил кто-то из своих. Теперь он знал, кто охотится на Илану.

Эйдан рванул обратно, не скрываясь, но было уже поздно.

Окно первого этажа было выбито, изнутри доносились крики. Мужской голос — короткий, оборвавшийся на полуслове, женский — яростно рычащий и глохнущий от боли, и полный ужаса визг Иланы.

Эйдан в прыжке проломил забор и ворвался на участок. Дверь была распахнута, а из проёма на улицу падал неровный свет. Внутри было трое бойцов Кайла: солдаты, выдрессированные наукой. Глаза их горели янтарным огнём — цветом прирождённых воинов, чьи способности были усилены наукой. Двое оборотней, с металлическими ошейниками и электродами, от которых тянулись тонкие провода к биодатчикам на лапах, были рядовыми солдатами. Третий же мужчина находился в волчьей полуформе: он стоял по-человечески на двух ногах, одетый в военные штаны и берцы, верх же его тела был смесью волка и человека: огромная мохнатая голова волка, мощные руки-лапы с длинными когтями. Мышцы бугрились под шкурой, и по ним пробегали слабые разряды электричества от вживлённых под кожу усилителей. Он стоял над телом только что убитого им мужа Сандры, даже не запыхавшись.

Чёрные волки одновременно обернулись и уставились на Эйдана.

— Чужак! — рявкнул один из солдат, но было уже поздно.

Не раздумывая, Эйдан впал в бешеную ярость. Первого солдата он сбил с ног ударом груди, вцепившись в загривок и, рванув на себя, с размаху впечатал волка в стену. Тот захрипел и жалобно заскулил, истекая кровью. Второй попытался активировать биодатчики — они засветились ярким голубым светом, набирая энергию для атаки, — но Эйдан не стал ждать, что за этим последует. Он отбросил врага мощным ударом лап в сторону, а затем, перекатившись

через спину, подскочил к противнику. Солдат попытался встать, выставив перед собой лапы, но Эйдан был быстрее и просто сомкнул челюсти на его глотке. Кровь хлынула на пол, и враг, быстро обессилев, перестал двигаться. Эйдан мгновенно отпустил его и обернулся, но опоздал. Элитный воин атаковал его первым. Он двигался быстрее, чем Эйдан ожидал. Полуформа давала ему скорость зверя и разум человека — он не бросался слепо, а выжидал момент. Усилители на его теле вспыхнули, и удар, обрушившийся на Эйдана, был страшен. Когти полоснули по боку, оставляя глубокие борозды. Эйдан отлетел в сторону, врезавшись в стену, и на секунду потеряв ориентацию, упал на пол.

Воин не стал ждать. Он выхватил пистолет из висящей на боку кобуры, прицелился и… неожиданно пошатнулся — в голову ему врезалась тяжёлая книга, пущенная отчаянной рукой. Он инстинктивно сделал резкий выпад рукой, и дневник отлетел в сторону окна, звучно шлёпнувшись на пол у подоконника. Первая пуля ушла в стену, и Эйдану хватило этой доли секунды: резко отклонившись, он ушёл перекатом. Краем глаза он увидел Илану. Она стояла, прижавшись спиной к стене, тяжело дыша. Глаза её горели не только ужасом, но и яростью, а руки всё ещё были вытянуты вперёд — в том самом движении, которым она швырнула книгу в убийцу своего отчима. Она не кричала и не плакала, она боролась.

Элитный воин метнул в неё короткий, полный ярости взгляд, но не успел ничего сделать — Эйдан был уже на ногах. Вторая пуля, пущенная вдогонку, всё же чиркнула его по белоснежной шкуре, мгновенно окрасившейся вспышкой алой крови. Боль пронзила тело раскалённой молнией, но сразу за ней накатило другое: в голове стало очень тихо. Нет, ярость никуда не ушла — клокотала в груди, — но поверх неё разлилось чужое, почти потустороннее спокойствие. И вместе с ним пришло знание. Эйдан знал, куда ударит враг в следующую секунду. Он почувствовал это — и вовремя среагировал, увернувшись из-под нацеленной на него когтистой лапы янтарноглазого оборотня.

— Ты силён, Вожак, — прорычал на его защитный выпад воин, и его голос был смесью человеческой речи и звериного рыка. — Но я лучший! — Он толкнул замешкавшегося Эйдана с такой силой, что белый волк пробил головой бетонную стену. В глазах потемнело, по морде потекла горячая кровь. Эйдан потерялся в пространстве и бессмысленно осел на полу. *«Вставай! Ну же!»* — вспыхнули слова в его голове. Он поднялся, стряхивая с себя обломки стены, и позволил этому новому, незнакомому чувству вести его. Первый выпад — ложный, только чтобы проверить реакцию соперника. И он не подвёл, воин купился, и Эйдан, инстинктивно перехватив его лапу, рванул на себя. Хрустнули суставы, воин взвыл, но не упал. Слишком опытен.

Они схлестнулись в центре комнаты. Эйдан был крупнее, но воин — быстрее. Его когти то и дело находили цель, оставляя на белой шерсти кровавые полосы. Один раз он почти достал до горла — но Эйдан снова ушёл за миг до удара, словно кто-то шепнул ему на ухо, куда сместиться. Он не думал об этом и просто действовал. В пылу боя не было времени на вопросы.

Шаг влево, пригнуться, разворот и отклонение в сторону. Поддавшись новому чувству предощущения врага, Эйдан вытанцовывал свою партию боя. Движения его стали смертельно элегантными: ярость и спокойствие сплелись в неразрывный гордиев узел. Противник начал уставать: его биотехнологическая составляющая мерцала, теряя заряд, и давала Эйдану возможность всё яростнее теснить себя, заставляя отступить и оказаться загнанным в угол.

Финальный удар Эйдан вложил в один рывок — всю боль по отцу, всю ярость на Орина, всё отчаяние от правды, что раздавила его сегодня. Он пробил защиту полузверя и сомкнул челюсти на его плече. Кости, усиленные металлом, не выдержали — хрустнули мерзко, влажно. Воин взвыл, но даже сквозь боль он действовал на автомате: резкое, отточенное годами движение — и Эйдана отбросило в сторону. Молодой вожак завалился на бок, на мгновение потеряв контроль над телом. А воин, рванув следом, налетел на торчащий из пола обломок вешалки. Деревянный кол вошёл под рёбра по самую рукоять. Полузверь судорожно дёрнулся, глотнул

воздуха и замер — с открытыми, удивлёнными глазами. Бой закончился, и наступила абсолютная тишина.

Эйдан стоял над телом последнего врага, тяжело дыша. Весь пол был залит кровью — своей и чужой. Мысль об Орине мелькнула и погасла: шаман подождёт. Сначала — Илана. А потом он вернётся за ним. И за ответами. В наступившей тишине он вдруг почувствовал чьё-то присутствие. Слабый, едва уловимый отзвук в волчьих ушах. Словно кто-то огромный и древний наклонился к нему и беззвучно прошептал: *«Ты справился».* Волна колючего холода пробежала по хребту, вздыбив белую шерсть. Лунный свет из разбитого окна коснулся его морды — и на секунду боль в боку и плече утихла.

Эйдан тряхнул головой, отгоняя наваждение. Ему показалось: это всё ярость, усталость и адреналин. Ничего больше.

Он начал трансформацию. Тело плавно перетекало, меняя форму, пока перед Иланой не предстал обнажённый мужчина, перемазанный чужой и своей кровью. Он обернулся и посмотрел на неё.

Эйдан нашёл её около одной из уцелевших стен: она сидела на корточках перед телом Сандры и тихо плакала, прижимая к себе голову матери.

— Ты ранена? — спросил он.

Она не ответила. Только посмотрела на высокого мужчину, который только что был сражающимся зверем, и долго не могла вымолвить ни слова. Её глаза были полны тоски, слёзы прочерчивали дорожки на покрытом пылью лице.

Эйдан пригляделся к Сандре. Раненое волчье тело медленно трансформировалось в человеческое. Он понял: та, кого он знал всю жизнь как мать, умерла.

Оборотни всю жизнь отделяют себя от людей. Но смерть не делает различий. Она просто забирает.

— Она... — Илана дрожала. — Они убили её. И дядю Гору.

Эйдан опустился на колени рядом с Сандрой. Приложил пальцы к её шее. Пульса не было. Он долго всматривался в лицо названной матери. Вспоминал, какой она была с ним — маленьким, беспокойным. Как учила, защищала, обнимала, выла по ночам на Луну от тоски по воле и любви. Теперь он понимал её. Он сдержал дрожь в ресницах, положил руку на её лоб и попрощался.

Помолчал мгновение, затем поднялся и взял Илану за руку.

— Мы должны уходить. Сейчас.

— Кто ты? — голос её был хриплым.

— Твой брат. Я всё объясню позже. А сейчас — нужно выбираться. Здесь опасно.

Она не двигалась. Тогда Эйдан снова обернулся в волка и, не спрашивая, поддел её носом, забросил на спину и побежал. Илана не кричала. Она вцепилась в его шерсть — пальцы заледенели, тело била крупная дрожь, — и молча смотрела, как исчезает в темноте ночи её дом, родители, прошлая жизнь. Ветер хлестал по лицу, смешивая слёзы с пылью, но она не издала ни звука. Только пальцы сжимались всё крепче — Эйдан чувствовал их сквозь густой мех, острые, отчаянные, как когти зверя, который ещё не знает, что он зверь.

Когда они скрылись в чаще, из тени у дома вышел волк. Он не участвовал в бою — только наблюдал. Огромный, угольно-чёрный, с синеватым отливом и единственной белой полосой на шее. Его янтарные глаза не выражали ярости — только холодный, расчётливый интерес.

Кайл смотрел, как Эйдан расправляется с его солдатами, как падает один из лучших воинов гвардии, как белый волк уносит девушку в лес. Когти сами собой впились в землю. Эйдан был силён. Кайл не ожидал такого.

«Чистокровные гены дают поразительные возможности», — подумал он. В глубине его холодного разума шевельнулось неохотное восхищение. Но поверх него поднималась злость: план провалился. Илана должна была исчезнуть тихо, без крови и шума. Его солдаты нарушили

приказ. Кто-то в его окружении хотел именно этого. Кто-то намеренно спровоцировал резню, чтобы стравить две стаи.

Девушка нужна была ему живой. Её гены, её кровь были ключом к возрождению вида. А теперь белый волк уносит её в земли Белого Яра, куда Кайлу не добраться.

Чёрный волк развернулся и бесшумно исчез в чаще. Он — наследник древнего рода, не знавшего пощады, — найдёт предателя. Чего бы это ни стоило. Но сначала — отчитается перед отцом. А эта задача куда неприятнее гибели трёх солдат: старый король не прощает провалов. Особенно тех операций, которые его сын провернул без его ведома.

Глава 4 РАЗГОВОР В ЧАЩЕ ТЁМНОГО ЛЕСА

Эйдан бежал сквозь лес, чувствуя на спине дрожащее тело Иланы. Бок и плечи ныли всё сильнее. «Чёртовы чернобокие засранцы. И Кайл, будь он неладен!» Ветки хлестали по бокам, бередя раны, но волк не сбавлял скорости. Он морщил жёсткие усы, прижимал уши к голове и стелил хвост понуро вдоль земли. Остановиться бы да передохнуть! Но нельзя…

Чтобы отвлечься от изнуряющего бега и боли, он заставил себя думать. «Орин хотел нового Вожака? Получил. Только для чего? Какой у него план? В чём смысл убивать Торна? Или всё проще — старый шаман просто устал служить и решил убрать короля, которому присягал тридцать лет?» Эйдан понимал: нужно будет разобраться. Но позже. Сейчас главное — привести Илану в чувство. Адаптировать. Сделать так, чтобы стая её приняла. Это будет чертовски сложно.

Бок ныл всё сильнее — там, где когти элитного воина оставили глубокие борозды. Кровь запеклась, но при каждом прыжке рана открывалась снова и снова. Это мучило и выводило из себя. «Скорее бы добраться до дома и найти лекарей. Как их там? Лавандовые, кажется. Лишь бы они были толковее своей дурацкой фамилии».

Илана вцепилась в длинную белую шерсть могучего зверя. Только что он был человеком, а теперь — громадный волк, в котором бугрились мышцы. Красивый, как ледяной пожар: невозможный и завораживающий одновременно. Она отогнала эту мысль. Не сейчас. Не время. Она только что потеряла всю свою жизнь и своих родных.

«Мама. Её больше нет. И дядя Гора. Его тоже нет. Осталась только я одна».

Боль сжала горло. Слёзы брызнули из глаз, окропляя белоснежную шерсть. Как же это больно — знать, что ничего нельзя исправить. Что твои родные ушли навсегда. Илана уткнулась носом в мех и замерла: пахло кровью. Не её. Этот огромный зверь был серьёзно ранен. Но он бежал, не сбавляя скорости, и не издавал ни звука.

Эйдан почувствовал, как её слёзы, горячие, словно ртуть, просачиваются сквозь густую шерсть и касаются кожи. По его телу пробежала непроизвольная дрожь омерзения — каждый волк ненавидит это липкое, мокрое прикосновение к незащищённой коже. Хотелось встряхнуться, сбросить чужую влагу, но он лишь скривился и стиснул зубы, продолжая бежать. Илана крепче вцепилась в его шерсть, и Эйдан почувствовал, как кожа натянулась и отозвалась острой болью в раненом боку. Дела плохи. Так он скоро выдохнется. Нужно остановиться — хотя бы на мгновение. Прийти в себя. Сказать хоть что-то Илане, ведь она только что потеряла маму.

Они уже достигли границы земель его стаи. Здесь, на широкой поляне среди вековых сосен, воздух был гуще — пахло волчьей шерстью, дымом костров, древней землёй, на которой поколения его предков жили и умирали. Эйдан остановился у старого дуба, чьи корни уходили глубоко под землю, к гробнице его предка Эвра Смелого, а ветви касались неба, на котором сияла повелительница волков — Луна.

Он принюхался — всё чисто. Затем осторожно стряхнул свою хрупкую ношу со спины. Она соскользнула на траву и тут же отшатнулась, тяжело дыша.

Эйдан начал перестраиваться. Тело потекло, меняясь, — и через несколько секунд перед Иланой стоял обнажённый мужчина, перемазанный засохшей кровью, с медальоном на шее. Он поймал её расширившиеся от ужаса глаза, усмехнулся краем рта, поняв свою ошибку (она же росла с людьми, у них так не принято), и шагнул в сторону, скрываясь по пояс в густом папоротнике.

— Где мы? — спросила она, стараясь смотреть куда-то в сторону его правого уха.

— Дома, — ответил он. — Это земли клана Белый Яр. Теперь ты под моей защитой.

— Я не просила защиты, — Илана вскинула подбородок. — И вообще, кто ты такой, чтобы решать за меня?

— А я и не спрашивал твоего разрешения, — отрезал он, но тут же осёкся, поняв, что рыкнул слишком грубо. Выдохнул. — Теперь это твой дом. Привыкай.

Они стояли друг напротив друга в лунном свете. Илана — на полузабытой лесной тропинке, залитой серебром, Эйдан — в густой тени, по пояс в папоротнике. Тишина между ними звенела от напряжения. Он смотрел на неё прямо, не отводя взгляда — вожак, привыкший повелевать. Она ответила тем же, но через несколько секунд всё-таки опустила глаза. Не потому, что испугалась, а потому что от усталости сил бороться не осталось. И тихо спросила:

— Ты сказал, что ты мой брат. Почему я ничего о тебе не знала?

Эйдан замер, нахмурившись.

— Об этом надо спрашивать твою мать.

— Её больше нет. — Голос Иланы был тихим, но твёрдым. — Почему мама молчала? Почему она прятала меня от тебя? От всего этого?

Он долго смотрел на неё, изучая. Впервые они стояли так близко, и он мог разглядеть её без спешки, без боя, без бега. Красивая, но какая-то хрупкая и растрёпанная. В разорванной, перепачканной кровью одежде. Его кровью, её кровью — уже не разобрать. Но даже сквозь всё это проступало что-то, что заставило его на мгновение замереть: та самая порода Сандры, которую он так хорошо помнил. Упрямый подбородок. Линия скул. И глаза — зеленоватые, отливающие золотом янтаря в лунном свете, совсем не человеческие.

«Принцесса. Дочь Сандры и отца. Хоть официально и будет числиться как полукровка. Но всё равно — принцесса оборотней по матери, а это многое значит».

Она смирилась и отвела взгляд первой.

— Я оставлю тебя здесь, — сказал он наконец. — Ненадолго. Мне нужно принести одежду и найти лекарей. — Он скользнул по ней взглядом и вдруг криво усмехнулся. — А то, боюсь, ты рискуешь лишиться не только матери, но и новоприобретённого брата. Это было бы слишком щедро для одной ночи.

Илана уставилась на него во все глаза.

— Ты что, хочешь оставить меня одну в лесу? Ночью?

— Это моя земля, — ответил он с нажимом на слове «моя» и с той спокойной уверенностью, которая взбесила её больше всего. — Ты находишься в самом центре священной рощи, где похоронены наши великие предки. Здесь самое безопасное место. Ни один зверь сюда не сунется. К тому же, ты пахнешь мной, и нужно быть самоубийцей, чтобы кто-то из чужой стаи посмел сорвать хоть шерстинку с твоего плеча.

Она открыла рот, чтобы возразить, но он уже развернулся.

— Я скоро вернусь за тобой, чур, останешься здесь! — бросил он через плечо и шагнул в темноту. Через мгновение его уже не было — только ветер качнул лохматое лапы елей.

Илана осталась стоять у дуба, провожая его взглядом. Сердце бешено колотилось где-то в горле, и она не понимала, чего в нём больше: горя по погибшим родителям или глухого, незнакомого страха, от которого леденели пальцы и душа уходила в пятки. «Чур. Господи, что ещё за дурацкое слово? Он что, в прошлом веке родился? Может, оборотни, как вампиры, живут дольше нас, людей?»

Лес вокруг был обычным, но с ним что-то было не так. Илана чувствовала это кожей. В лесу было тихо — только сверчки заливались в траве да где-то далеко вздыхала сова. Иногда ветер пробегал по верхушкам сосен, и тогда деревья начинали глухо переговариваться, тряся на ветру своими стылыми листьями. Илана опустилась на землю у корней дуба, прижавшись спиной к шершавой коре. Её сильно трясло. Скукоженные от пронзительной прохлады пальцы, ледяные и влажные от пота, судорожно вцепились в подол платья, скомкав его в попытках хоть как-то унять дрожь. Ей казалось, что платье — это единственное родное и человеческое, что у неё осталось. Илана вспомнила мёртвую маму, лежащую на полу, и заплакала. Она подтянула

колени к груди, обхватила их руками, пытаясь согреться, и замерла, вслушиваясь в каждый шорох. Платье намокло от травы, холод забирался под него и неприятно лип к коже.

Время тянулось медленно. Лес пугал её — живой, дышащий, полный невидимых глаз. В траве что-то шуршало, деревья предостерегающе скрипели. В кустах треснула ветка. Кто-то идёт!

Сердце девушки от ужаса заколотилось где-то в горле. Она обернулась в сторону опасности и замерла, вглядываясь в темноту. Там, между стволами сосен, что-то двигалось. Глаза обманывали её, но осязание — нет. Она чувствовала, как ночная тьма вдруг сгустилась, заискрилась переливами черноты и стала приближаться — медленно, неотвратимо. Воздух вокруг зашевелился. Но это был не ветер, ведь он дует в одну сторону, а этот поток закручивался вокруг неё спиралью, холодный и вязкий, с привкусом смутно знакомого запаха. Илана хотела закричать, но голос пропал. Хотела бежать, но ноги приросли к земле.

Тьма уставилась на неё невидимыми глазами и пристально изучала. А потом, медленно, как змея, обтекла её тело со всех сторон, заключив в мёртвые объятия. По позвоночнику пробежали мурашки, а в затылок впились ледяные иглы. Волосы на голове зашевелились сами собой. Тьма обнюхивала её. Как зверь обнюхивает чужака, вторгшегося на его территорию. Молча. Жадно и беспощадно.

Это было невыносимо страшно. Илана зажмурилась, пытаясь отключиться, исчезнуть, проснуться — лишь бы оказаться где угодно, только не здесь. Секунды растянулись в вечность. А потом, так же внезапно, как появилась, тьма отхлынула. Резко разорвала своё призрачное присутствие, разомкнула кольцо черноты и растворилась между деревьями, оставив после себя только запах сырой земли и липкий холодок на коже. «Могила. Здесь пахнет могилой», — наконец-то поняла она вдруг.

Илана рухнула на колени, хватая ртом воздух. Её трясло. Зубы выбивали дробь, а пальцы, сжимавшие подол платья, побелели от напряжения. Только сейчас она поняла, что всё это время не дышала и едва не потеряла сознание.

Где-то далеко-далеко послышался рокот автомобильного мотора, а следом — протяжный вой полицейской сирены. Он то нарастал, то затихал, и в этом звуке было что-то почти инопланетное — настолько чуждым он казался здесь, в древнем лесу, где только что клубилась ожившая тьма. Илана вздрогнула, вскинула голову. Дорога! Там люди, там помощь! В голове мелькнула шальная мысль: вскочить, убежать прочь, поймать попутку, добраться до города и пойти в полицию! Рассказать, что её похитили, что убили родителей. Ага. И что её увёз на себе огромный белый волк? Она горько усмехнулась, глядя в бесконечную черноту вокруг себя.

Сколько времени прошло? Илана задумалась, пытаясь понять: пять минут, десять или двадцать? Когда же он вернётся? «Что он там ещё сказал — я пахну им?» Она поднесла запястье к лицу, вдохнула — и ничего особенного не почувствовала. Обычная кожа, холодная и немного солёная от слёз. Задумавшись, Илана склонила голову и попробовала принюхаться к своему платью: оно издавало едва заметный запах леса, крови, дыма и пота, что неудивительно. Но никак не им, этим невозможным получеловеком-полуволком. Или она просто не умеет чувствовать то, что чувствуют они.

Оборотни. Запахи. Оживающая чернота, которая клубилась вокруг неё. Всё это нереально, так ведь не бывает в этом обычном мире? Бред какой-то. Дикий и невозможный бред.

Луна сместилась, тени от ветвей поползли по поляне. Илана замёрзла окончательно, зубы начали выбивать дробь. Она прижала ладони к груди, туда, где под сердцем теплилась глухая, ноющая пустота — всё, что осталось от прежней жизни.

Из темноты бесшумно вышел Эйдан. Он был уже в человеческой форме и одежде — в простых холщовых штанах, грубой рубахе с косым воротом и тяжёлом тёмном плаще, который мягко колыхался при каждом шаге. В руках он держал свёрток.

— Держи, — сказал он, протягивая ей одежду. — Это старое платье… мамы Сандры. Тётка хранила его на случай, если она вернётся.

Илана вздрогнула при имени матери, которое сорвалось с уст её брата. Она взяла свёрток и поднесла его к лицу: от ткани пахло знакомыми сухими травами и чем-то ещё — едва уловимым и оттого ещё более родным.

— Она не вернётся, — прошептала девушка.

— Знаю. — Эйдан на минуту задумался, а затем отвернулся, давая ей возможность переодеться.

Илана молча стянула с себя своё любимое домашнее платье и повесила на ближайшую ветку. Платье Сандры оказалось ей чуть велико, но ткань была мягкой и удивительно тёплой. Она затянула пояс, сунула руку в карман и нащупала что-то маленькое, гладкое. Это была небольшая брошь — серебряный полумесяц, очень похожий на тот, что Сандра носила каждый день. Илана сжала её в кулаке и зажмурилась, чтобы не заплакать снова.

— Она боялась, — сказал Эйдан, не оборачиваясь. — Боялась, что стая найдёт вас. Или чужаки. И что тебя заберут или случится что-нибудь похуже. Ты ведь ценный экземпляр. Знаешь об этом? Поэтому она и прятала тебя всю жизнь.

— От кого? — голос Иланы дрогнул. — От тебя? От таких, как ты?

— От всех. — Он наконец повернулся. — От отца, от меня, от стаи, от Орина. От тех, кто мог использовать тебя как оружие. Ты ведь дочь Сандры из Серой стаи. Принцесса крови. Её наследница. Ты даже не представляешь, сколько врагов у вашей семьи.

Илана села на поваленное дерево. Эйдан опустился рядом — на расстоянии вытянутой руки, не ближе.

— Сандра тебе что-то успела сказать? — спросил он. — Перед тем как…

Илана сглотнула.

— Почти ничего. Она вбежала в комнату, сказала, что она оборотень и я тоже, что за мной охотятся… Что нужно бежать. Я не поверила, но она… она обратилась. Прямо у меня на глазах. Стала волчицей. А потом начался шум, крики… Мы не успели. Она велела мне прятаться, а сама бросилась туда. — Голос её дрогнул. — Потом пришли чёрные, а затем ты.

Эйдан помолчал.

— Правильно я понимаю, что ты никогда не оборачивалась и что до сих пор не было никаких… эммм… признаков оборотня?

Илана замотала головой.

— Я даже не знала, что это возможно. Недавно мама стала задавать мне очень странные вопросы — про волков, про Луну, чешутся ли у меня плечи… Я думала, она просто устала. А потом… — она запнулась, вспомнив серебристую рябь на своей руке, убаюканного медведя и странное тепло лунного света. — Хотя… кажется, что-то начиналось. Но я не понимала, что это.

Эйдан кивнул. Его взгляд стал острее — оценивающий, но не враждебный. «Слабая. Мышц почти нет».

— Значит, первый оборот ещё впереди. Это плохо… Хотя… Это же и хорошо одновременно.

— Почему?

— Плохо — потому что это будет больно. Очень. И я думаю, что ты ещё ни морально, ни физически не готова к такому. Хорошо — потому что ты можешь оказаться сильнее, чем ты думаешь, и сильнее, чем будут думать все вокруг. А нам это пригодится.

— Расскажи мне о вас, об оборотнях.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и начал рассказывать.

— Оборотни делятся на кланы. У каждого — своя территория, свои законы, свой король. Мы живём дольше людей, но не бесконечно… Мы подчиняемся Луне — она даёт нам силу, она же и забирает её.

— А мама? — спросила она тихо. — Сандра. Ты знал её? Какой она была?

Эйдан отвёл взгляд и долго молчал.

— Она была моей матерью, — сказал он наконец. — Пела колыбельные. Учила ходить, играла со мной. — Он снова замолчал, подбирая слова. Он хотел рассказать, как она смеялась, когда он приносил ей полевые цветы, или как она пела низким, грудным голосом, убаюкивая его. Но ничего из этого не смог облечь в слова. — Сандра была… очень сильной волчицей. У неё был дар предчувствия — в Серой стае таких, как она, называли «вещими».- Он осёкся, поняв, что говорит не то и не так. Хотел сказать что-то хорошее, но получилось сухо, как армейский отчёт.

— Но она ушла, — тихо сказала Илана.

— Да. — Эйдан выдохнул. — Она бросила меня, оставила в стае, а сама сбежала к человеку. К тому, кого любила. Я долго не мог её за это простить.

Илана смотрела на него широко открытыми глазами. Внутри всё перевернулось. Мама — её мама! — могла быть такой жестокой? Бросить ребёнка? Оставить его одного среди волков? Это было так на неё не похоже. Но получается, что могла. И сделала. И она, Илана, невольно стала причиной того, что старшего брата лишили матери. Это было жестоко и несправедливо.

— Прости, — прошептала она, не зная, куда деться от стыда за свою мать. — Я не знала. Я не думала, что мама могла так поступить. Мне очень жаль.

Эйдан покачал головой.

— Ты не виновата. Ты была ребёнком. Ты ничего не решала.

— Но ты остался один. — Её голос дрогнул. — Ты ждал её, а она не вернулась. Это… это несправедливо.

Он хотел ответить что-то резкое, но осёкся, увидев в её глазах искреннюю, почти детскую грусть. Илана смотрела на него, молчала, о чём-то думая, а затем порывисто придвинулась и обхватила его руками.

Она сделала это так, как в детстве делала мама. Как в тот день, когда он до кости разбил коленку и едва не остался без глаза, скатившись по шиферу Сумеречного дворца. Как тогда, когда она прижимала его к себе и шептала, что всё пройдёт.

Эйдан замер. Воспоминания хлынули в него тёплым ручьём — и тут же обдали холодным потом. Это было слишком. Слишком близко. Слишком по-человечески: только Сандра позволяла себе такие выражения чувств. Только она — его беглая мать — обнимала Эйдана не как строгая волчица волчонка, а как женщина — ребёнка. Для остальных в клане Белояров прикосновения, объятия, ласка имели совсем иной оттенок. Лишние прикосновения между соплеменниками не приветствовались. И сейчас, когда руки Иланы сомкнулись за его спиной тёплыми капканами, он невольно воспринял этот жест не так, как должен был, — и это его испугало.

«Сестра. Она моя сестра».

Он заставил себя повторить это заклинание несколько раз подряд, но так и не отстранился — хотя должен был. Всё же это было приятно — такая неожиданная близость, родом из беззаботного детства. Может быть, ему не хватало этого все эти годы, и теперь, найдя Илану, он сможет вновь почувствовать то, что чувствовал рядом с мамой: кто-то может просто взять и обнять, сказав, что всё будет хорошо?

Но резкая боль в боку вернула его на землю. Илана мгновенно отреагировала, отстранившись:

— Ты ранен! Я совсем забыла! А как же лекари? Ты нашёл их?

— Да, — коротко ответил он. — Всё в порядке, меня перевязали.

Илана не слушала. Её ладонь неожиданно легла на его грудь и скользнула по рубахе вниз, к боку, туда, где ткань пропиталась свежепроступившей кровью, — осторожно, почти невесомо. От этого прикосновения у Эйдана перехватило дыхание. Оно было слишком интимным. Слишком... «Так, всё, это пора прекращать». Он аккуратно, но твёрдо отвёл её руку.

— Всё в порядке. Заживёт. У нас, оборотней, всё заживает быстро, — проговорил он и заставил себя отвлечься, переключая мысли на другое. На тайну. На отца. На странный рассказ о рыбалке.

Илана была так близко, что Эйдан невольно задержал на ней взгляд. «А она красивая. Моя сестра». Но он почти сразу одёрнул себя. Сейчас главное — сберечь её от беды и не допустить больше скарбезных мыслей со своей стороны. Остальное подождёт.

Илана заметила этот взгляд — но расценила его по-своему. Благодарность за беспокойство. Неловкость от того, что они ещё так мало знакомы, а она уже позволила себе его обнять. Тем более, что он король, и наверное их нельзя так просто брать и трогать. Она смутилась и отвела глаза, уставившись в темноту и тихо проговорила:

— Я подожду. Ты обещал рассказать мне всё. Но не сейчас, а завтра. Ладно?

Эйдан ничего не ответил. Только коротко кивнул и, стащив с плеч свой тяжёлый тёмный плащ, набросил ей на плечи:

— Вот так. Сейчас тебе важнее согреться. А тайны… пусть они подождут до рассвета.

Он резко встал, окончательно освободившись от её близости, и пошёл собирать валежник, чтобы развести небольшой костёр. Илана молчала и наблюдала за ним, думая о чём-то своём. Она больше не могла плакать — слёзы кончились, оставив после себя только пустоту. Она просто сидела, покорившись судьбе и этому незнакомому мужчине, который называл себя её братом.

Когда пламя уже достаточно разгорелось, он молча достал из сумки хлеб, вяленое мясо и медную флягу с водой, ярко блеснувшую в отблесках огня. Илана жадно схватила её и сделала несколько глотков. Только сейчас она окончательно поняла, что всё это время мучилась от жажды и даже не осознавала этого. Эйдан сидел напротив, молча смотрел на огонь и лениво собирал из снеди бутерброды — один протянул ей, второй взял себе.

Когда с едой было покончено, он поднялся, подошёл к ней и поправил плащ на её плечах, запахнув плотнее.

— Спи, — сказал он. — Завтра будет трудный день.

— А ты?

— А я посижу рядом. Комаров поотгоняю.

Он сел спиной к стволу дуба и уставился в темноту. Илана не знала, как ей быть — лечь или сесть на землю. Она ночевала в лесу второй раз в жизни. В первый всё было совсем по-другому: они втроём — с мамой и отчимом — ходили в двухдневный поход, и у них были палатки, надувной матрас и спальники. Здесь же — только земля, корни дуба и плащ, пропахший беловолосым мужчиной. Немного подумав, она завернулась в плащ и села так же, как брат, — прислонившись спиной к стволу. Это было очень неприятно: земля оказалась жёсткой, и холод от неё пробирался под ткань. Илана дрожала, но не хотела показывать это. Эйдан посмотрел на неё и всё понял.

— Иди сюда, — сказал он тихо.

Илана подняла на него глаза. Он сидел, прислонившись спиной к дубу, и смотрел в темноту. Она пересела ближе, и он аккуратно положил руку ей на плечи — неуверенно, почти неловко, как человек, который давно никого не обнимал.

— Так теплее, — сказал он, словно оправдываясь.

Она ничего не ответила, только положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Какой же он тёплый, этот оборотень. От него пахло лесом, дымом и чем-то ещё — таким тёплым и странно знакомым. Домом? Семьёй? Или… Точнее она не могла определить.

Эйдан замер. Чувствовал тепло её тела, слышал ровное дыхание, ощущал, как постепенно уходит дрожь. Это было приятно — наблюдать, как она так просто доверилась ему. Что-то внутри вдруг отпустило, и он впервые за последние несколько дней выдохнул спокойно.

Как это здорово — просто сидеть и греть того, кто в этом нуждается.

Илана вздохнула во сне и прижалась чуть крепче. Эйдан опустил подбородок на её макушку и закрыл глаза. Губы тронула слабая, почти незаметная улыбка — первая за долгое время.

«Это потому, что она сестра, родная кровь. Вот почему мне так хорошо рядом с ней», — подумал он и улыбнулся, глядя на красное зарево, пробивающееся сквозь ветви старого дуба.

Глава 5 ПОЖАР

Опустевший дом хранил могильное безмолвие. Только часы бесстрастно отсчитывали секунды, громко тикая на первом этаже. Тик-так. Никого нет. Тик-так. Все мертвы. Тик-так. Враг ушёл.

Мурка тихонько прокралась к своему жилищу, аккуратно запрыгнула на отвес разбитого окна и принюхалась. В доме тянуло чужаками и ещё чем-то очень плохим. Родными тоже пахло, но как-то неправильно. Кошка прислушалась — ничего не происходило — и осторожно впрыгнула сквозь кривое кольцо разбитого стекла. Она мягко приземлилась на пол, бесшумно пробежала по узкому коридору, ведущему из кухни в гостиную, и замерла на пороге: её люди лежали на полу.

Те, кто кормил её, гладил, чесал за ухом, убирал горшок и спал рядом с ней, — они не двигались. От них пахло неподвижностью и небытием, так, как обычно пахнут птицы, которых она находила в саду, — те, что уже никогда не взлетят. Рядом с близкими ей людьми лежали ещё двое — странные и уродливые нелюди. Они пахли ещё хуже: железом и чем-то, напоминающим то, как её, Мурку, носили к ненормальным двуногим, которые кололи ей холку железными зубами и щупали в непотребных местах. Мурка обошла их по дуге, прижав уши и стеля хвост вдоль пола — мало ли, что от них ждать? — и вплотную подошла к хозяину.

Он был холодный как земля. Мурка обнюхала его и сглотнула, широко раскрыв глаза. Хозяина больше не было. Когда-то он принёс её в этот дом — крошечную, пищащую, с обломанными усами. Она тогда боялась всего, даже собственного хвоста. А он сидел рядом, молчал и гладил её, пока она не перестала дрожать. Теперь она сидела рядом с ним, но дрожь не уходила. И он больше не гладил.

Кошка кинулась к хозяйке и только хотела принюхаться, как услышала рядом с домом чьё-то жёсткое дыхание. Она испугалась, зашипела в сторону двери, скользнула под опрокинутый стол и затаилась.

В дом вошёл он — огромный серый зверь. Мурка сразу поняла: этот не из тех, кто кормит и гладит. Такие, как он, появляются из леса, чтобы забирать. Она не знала, как их называют, но чуяла их издалека — по тому, как замолкали птицы, как воздух становился густым и горьким, как дрожала земля под тяжёлыми шагами. Этот был ещё страшнее, чем все, кого она встречала раньше. От него пахло не просто лесом — от него пахло смертью, притаившейся под кожей.

Жёлтые глаза Мурки следили за каждым его движением. Шерсть встала дыбом, и когти сами собой выдвинулись из мягких подушечек, царапая пол. Он был страшный, этот дикий зверь. Серый мех с белёсыми подпалинами на загривке серебрился в предрассветных сумерках, и в этом серебре было что-то обманчиво благородное — как патина на старой бронзе.

Она видела, как он приближается к столу, — медленно, неторопливо, оглядываясь и внюхиваясь. Его лапы — огромные, с длинными, притуплёнными когтями, не таясь, ступали по половицам. Правая задняя припадала к земле чуть иначе, чем левая: не хватало одного пальца, и этот изъян придавал его походке лёгкую, почти незаметную асимметрию. След на влажном полу получался неполным, с характерной выемкой — словно сама земля отказывалась принимать его целиком.

Мурка вжалась в пол, стараясь стать совсем невидимой. Зверь прошёл так близко, что она почувствовала запах, исходивший от его шерсти, — странный, горьковатый, напоминающий сушёные цветы, которые хозяйка вешала в шкафу. Лаванда. Но этот запах не успокаивал — от него веяло опасностью.

Около упавшего стола волк остановился. Мурка замерла под его взглядом и даже шикнуть в ответ не смогла — страх пригвоздил её к полу, вытеснив всё, кроме одного понима-

ния: не шевелись! Волк посмотрел на неё сверху вниз — брезгливо, почти с отвращением, как смотрят на раздавленную жабу, — и пошёл дальше.

Зверь остановился над телом Сандры. Мурка видела, как его лапы замерли в нескольких сантиметрах от её лица. Волк склонил голову набок, и из его груди вырвался низкий, гортанный звук — не рык, не вой, а что-то похожее на смех.

А потом его тело начало меняться.

Мурка смотрела, не в силах отвести взгляд, как шерсть втягивается под кожу, как кости перестраиваются с влажным хрустом, как зверь становится двуногим. Это было страшно и завораживающе одновременно — словно сама природа нарушила свои же законы.

Мурка не понимала, что происходит. Её разум отказывался это принимать: только что перед ней стоял зверь — огромный, мохнатый, с острыми ушами и хвостом, — а теперь вместо него был двуногий. Она видела такое впервые за свою жизнь и не знала, можно ли это съесть, бояться или просто бежать. Инстинкт подсказал: бежать. Но лапы не слушались. Она могла только смотреть, прижавшись к полу, и чувствовать, как хвост сам собой поджимается к животу.

Через несколько мгновений над телом хозяйки стоял человек — высокий, тощий, с желтоватой кожей и длинными спутанными волосами. Его босые ступни, с желтоватыми ногтями и отсутствующим пальцем на правой ноге, ступали по половицам — неровно, припадая на одну сторону. Он был нагой, но, казалось, совсем не замечал этого.

Человек склонился над хозяйкой, втянул воздух — и Мурка снова почувствовала этот запах. Лаванда. Он исходил от него, от его кожи, от его дыхания. Человек заговорил — низким, вкрадчивым голосом:

— Вот ты и лежишь, Королева-беглянка. Лежишь у ног моих, как и должно быть.

Он склонился ниже, закрыл глаза и поднёс к ней свою корявую руку, нежно проведя по её лицу. Мурка видела, как с восторгом раздулись его ноздри.

— Жива ещё, красавица! Жива… Что ж, тебе недолго осталось. Луна заберёт тебя к себе и сделает своей рабыней, проклятая баба!

Он выпрямился и двинулся дальше. Его шаги отдавались в тишине глухим, неровным стуком — тук... тук-тук... тук... Мурка провожала его взглядом, пока он не скрылся в спальне. А затем, повинуясь инстинкту, рванула прочь — через разбитое окно, в спасительную темноту леса.

Страшный человек не заметил этого. Он был слишком занят.

Его ноздри раздувались, втягивая воздух: дым, кровь, страх, впитавшийся в деревянные стены. И ещё — едва уловимый, почти стёртый, но всё ещё различимый запах белого волка. Эйдана. Щенок был здесь. Щенок увёз девчонку. Что ж, тем интереснее.

Он не любил этот запах. От него пахло зимой, чистотой и чем-то ещё, что раздражало Орина до зубовного скрежета, — силой, которая досталась щенку по праву рождения, а не была выстрадана, как у него самого. Этот запах напоминал ему обо всём, чего он был лишён. О матери, убитой людьми. О стае, которая не приняла его до конца. О женщине, которая выбрала человека. И о короле, который умер, не зная, что его сын — подкидыш.

Впервые в жизни он оказался в людском жилище. Не как захватчик, не как беглец — как исследователь. Он смотрел на вещи этих существ с тем же холодным любопытством, с каким мальчишка смотрит на муравейник: а что, если разворошить? А если налить воды? А если потыкать палкой — как они забегают, засуетятся, попытаются спасти свои крошечные жизни?

Он провёл пальцем по кухонному столу — дешёвый пластиковый камень. Поднял и перевернул фарфоровую чашку с изящным рисунком — тонкая, хрупкая, разобьётся от одного удара. Дзынь! И её больше нет, как нет и человечишки, которого посмела полюбить Сандра. Он переступил через тело Георгия, даже не взглянув на него, и подошёл к шкафу с книгами.

Эти люди хранили здесь свои жалкие истории. Глупые и неважные. Они не верили в Богиню и предназначение её полуночных детей.

Его длинные пальцы, заканчивающиеся тёмными когтями, скользили по полкам, выдвигали ящики, откидывали половицы. Он искал хоть что-то ценное, что могла прятать от человека Сандра. Что-то, что поможет ему манипулировать Иланой. Он не спеша, методично обходил весь дом, вскрывая его части, как хирург вскрывает тело. И он нашёл.

Под одной из половиц в спальне лежал дневник в потёртом кожаном переплёте. Он раскрыл его наугад — и его глаза удивлённо вспыхнули, зацепившись за одну из строк:

«Сегодня умерла Айла. Я держала её за руку, когда она уходила, и не понимала, почему это произошло. Обряд же должен был дать ей безопасность во время родов. Но всё пошло не так. Ребёнок убил её, прорываясь сквозь человеческую оболочку. Я подняла его на руки и увидела его судьбу, предначертанную лунным светом. А ещё я поняла, почему это произошло, почему она умерла. Он, этот мелкий белоснежный волчонок, не сын Торна. В нём нет ни капли его крови. Поэтому она умерла. Айла, что ты наделала? Как могла предать Торна? Мне теперь придётся всем врать и растить ребёнка, который не имеет никакого отношения ни ко мне, ни к королевскому роду Белояров…»

Он замер. Перечитал. Снова. И снова. Его тонкие губы растянулись в улыбке — медленной, как змея, выползающая на солнце.

— Так вот оно что, — прошептал он. — Щенок не его крови! И мать его наблудила с кем-то из наших. Распутная девка!

Всё сходилось. Если щенок — не кровь Торна, значит, род Белояров оборвался на этом. Сама судьба отдавала трон в его руки — через истинную наследницу, которую он приведёт к власти. Илана. Его марионетка. Его королева. А Эйдана ждёт изгнание — или смерть.

Он закрыл дневник и сунул его за пазуху. Это было оружие. Бомба замедленного действия. Если Эйдан — не сын Торна, то его право на трон Белого Яра обращается в пыль. Достаточно одного публичного обвинения, одного доказательства — дневника умершей Сандры — и всё. Вопрос решён. А истинная наследница — девчонка, чистокровная дочь Сандры и Торна — сядет на трон под его руководством и будет делать то, что он задумал. Это ли не удача? Это ли не благословение Богини?

Он быстро спустился вниз и бросил последний взгляд на медленно регенерирующее тело Сандры.

— Прощай, красавица! — сказал он с усмешкой. — Ты мне больше не нужна. И знай: твоя дочь станет моей марионеткой.

Он поджёг занавески. Пламя занялось быстро — огонь жадно побежал по половицам, взбираясь по стенам, пожирая мебель. Орин стоял у кромки леса и смотрел, как горит дом, в котором когда-то жила его Королева. Никаких эмоций. Только холодное удовлетворение от хорошо проделанной работы. Когда крыша рухнула, рассыпая снопы искр, он развернулся и исчез в чаще, унося с собой дневник, который станет оружием.

Позади, в рёве огня, послышался низкий, утробный вой. Но он не вернулся и не помог. «Сдохнет в своей норе, как и заслуживала», — подумал он, растворяясь в темноте.

***

Боль была первым, что Сандра почувствовала, возвращаясь в сознание. Боль и запах — резкий, горьковатый, пробивающийся даже сквозь вонь гари. Лаванда. Этот запах она узнала бы из тысячи.

Кто-то говорил рядом с ней. И этот кто-то был врагом.

«...твоя дочь станет моей марионеткой!»

Дочь. Марионетка. Илана! Он говорит об Илане!

Сил пошевелиться не было. Она с трудом разлепила веки — мир качался, плыл, рассыпался тысячами искр. Но даже сквозь эту огненную карусель Сандра успела заметить странную

деталь: у человека, который только что стоял над ней, не хватало пальца на правой ноге. Он развернулся, захромал прочь, и через мгновение она услышала сухой свист расползающегося по синтетике огня. Шторы! Он поджёг её любимые шторы!

— Илана... — выдохнула она и снова провалилась в темноту.

А когда пришла в себя — закричала. Огонь! Вокруг неё всюду был огонь! Лёгкие горели изнутри, каждый вздох давался мучительной резью, будто они прикипели к рёбрам. Дом судорожно скрипел, стонал, лопались стёкла от жара. Стены задрожали, и крыша начала угрожающе сдвигаться. Ещё немного — и она будет похоронена здесь заживо. И тогда её дочь останется одна. Без защиты. Без матери.

Где-то слева с грохотом обрушилась балка, взметнув сноп искр. Шерсть на боку затлела, и Сандра взвыла от боли. Но она была жива. Жива! А значит — не сдастся.

Собрав всю волю в кулак, она рванулась вперёд и поползла на передних лапах, волоча непослушное тело за собой. Через осколки стекла, через обломки мебели, через кирпичную пыль, которая пробиралась сквозь шерсть к обожжённой коже. Каждый дюйм давался с боем — но она ползла.

Она не помнила, как выбралась. Помнила только жар, который лизал спину, и хруст стекла под лапами, и то, как собственное дыхание сбивалось в хрип, а из груди рвался наружу то ли рык, то ли плач. Ей казалось, что она ползёт уже целую вечность — сквозь боль, сквозь дым, сквозь собственное тело, которое отказывалось слушаться. Но где-то там, за пеленой огня, была Илана. И это было сильнее всего.

У неё была цель — Илана. И задача — выжить, чтобы спасти дочь.

И вдруг — небо. Серое, равнодушное, затянутое дымом. Сандра выползла на траву и рухнула, хватая ртом воздух. Лёгкие обожжены, глаза слезились, но она видела. Видела следы на влажной земле — волчьи, неполные, без одного пальца. И запах — тот самый, лавандовый — всё ещё держался в воздухе, смешиваясь с гарью.

Она запомнила этот след. Он врезался в память калёным клеймом. Человек, который виноват в смерти её мужа, пахнет лавандой. И у него не хватает пальца на задней лапе. Она найдёт его. Но сначала — Илана.

Перед глазами всплыло лицо дочери — не такое, каким она видела его в день нападения, а детское, с испуганными глазами и растрёпанными косами. Илана в шесть лет, сидящая на подоконнике и спрашивающая: «Мам, а почему у меня волосы светятся на солнце?» Илана в десять, прибежавшая домой с разбитой коленкой и гордо заявлявшая, что не плакала. Илана в шестнадцать, впервые влюбившаяся — в мальчишку, который даже не смотрел в её сторону. Всё это было так недавно. И всё это теперь могло оборваться из-за него — того, кто пах лавандой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.